

Журнал творческой мастерской
«Московский салон литераторов»

ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560

№ 3 (38) 2021

МОСКОВСКИЙ BAZAR

МОСКВА, 2021

Об осени и не только

Вечером мы жарили с мужем шашлык. Быстро стемнело, и приходилось подсвечивать фонариком, чтобы определить готовность мяса. Ветер тихо шуршал засыхающими листьями, перебирал их, как четки, медленно отрывал от ветки и отпускал. Воздух наполнился осенней дождевой сыростью, пронизывающей до костей. Не помешал бы глоток глинтвейна и теплый шарф. И скорее домой, чтобы сесть перед печкой, пить вино, есть горячее мясо и малосольные грибы. Только бы в тепле!

Снова осень... Банально. Так и есть. Каждый год одно и то же – снова осень. Вот опять подкралась; нравится, не нравится, а даже если не нравится – все равно принимайте. И этих «снова осень» становится все больше. Они выстраиваются в шеренгу, и за

каждой скрыт калейдоскоп событий, их можно листать, как страницы дневника, и даже пронумеровать: «снова осень-1», «снова осень-2», «снова осень-3»... Никогда не знаешь, в какой момент счет остановится.

В юности я не любила ни осень, ни зиму. Я ждала весны и лета и каждое первое сентября думала: «Ах, скорей бы пришла весна! Пусть побыстрее пролетит это сырое, снежное, унылое время, чтобы опять босоножки, шифоновые платья с юбочкой клёш и теплые морские волны». И где-то *там* меня, вероятно, услышали. Замелькали эти зимы и осени – не успеваешь перевести дыхание. А я изменилась. Я теперь осень люблю. Мне теперь каждый день дорог. Вот идет дождь. Водит смычком по прозрачным длинным струнам, душу бережит – сегодня Глюк, «Орфей и Эвридика», завтра «Адажиетто» Малера, нет, лучше «Струнный квартет № 3» Бетховена.

Впрочем, что-то я разошлась. Не мне выбирать, какой музыке звучать, моя задача – слушать и слышать. Вот это умение слышать с годами и приходит. Ну или не приходит, у кого как. Это как старость с мудростью. «У природы нет плохой погоды» – поется в известной песне. Так у нее и хорошей нет. Это человек взвалил на себя непосильную ношу определять, что хорошо и что плохо, и совершенно запутался в последнее время. Меняет стремительно понятия, выдавая одно за другое: «плохо» за «хорошо», «хорошо» за «плохо». То, что еще недавно считалось неприличным, теперь неприлично считать неприличным. Можно прослыть нетолерантным. А это очень неприлично!

Если вам нравятся пейзажи вроде левитановских, значит вы неприлично отстали от жизни. В моде банан, приклеенный скотчем к стене, и белые каракули на сером фоне Сая Твомбли – это очень актуально, иначе кто бы купил их за 2 миллиона долларов! Пейзажи в стиле Левитана ни один уважающий себя современный коллекционер не купит!

Архитектору больше не нужно тратить время на разработку утонченных фронтонов, пилястр, балюстрад, карнизов и сандриков, ему даже не нужно запоминать эти мудреные названия, достаточно положить куб на куб и спроектировать отверстия для входа и выхода – это модно и современно. А балюстрады – это неприлично.

Московский BAZAR № 3 (38) 2021 г.

Писателю совсем не обязательно заботиться о том, чтобы в его произведении не было ляпов и несоответствий – все равно никто читать не будет. В кино любой хоккеист запросто может стать фигуристом мирового уровня за пару дней, и это не удивит современного зрителя, а иначе кто бы выделил на такой фильм огромные средства. И если каких-то тридцать лет назад человечество стояло в очереди за билетом на новый спектакль, записывая на ладони номер, то теперь такая же очередь выстраивается за новым айфоном, который отличается от старого цветом корпуса. Новые времена – новые ценности – новые люди.

Мне кажется, человечество слишком много на себя берет. Оно забыло о Боге. Или просто решило бросить ему вызов, отрицая все Его заповеди и более не принимая совершенство созданного Им мира. Мы свой, мы новый мир построим. Создадим параллельную реальность, в которой все можно. И этот новый мир будет куда более дивным. За столько тысячелетий человечеству, вероятно, наскучила роль дитя божьего. Оно наконец повзрослело и отправилось в самостоятельное плавание. Вот только вопрос: куда мы приплывем в конечном итоге? Если вообще докуда-то доплывем.

Неделя непрерывных дождей наводит на унылые мысли, а уныние, как известно, грех. Ах да, забыла – кодекс грехов тоже поменялся. Так что можно унывать сколько душе угодно. Впрочем, понятие души тоже более не востребовано. Душа – это слишком тонко для современного мира, который живет теперь по понятиям, неизвестно кем написанным. Но соблюдать почему-то их следует неукоснительно.

Однако жизнь продолжается. Вопреки написанным кем-то новым законам лес приобретает карминно-горчичный оттенок, сад усыпан яблоками, которых в этом году особенно много, дождь прекратился, и небо постепенно расчищается и разглаживается, скоро из рыхлого серо-белого оно превратится в отутюженное и накрахмаленное тонкое синее полотно. Бог продолжает творить свой мир. И мы не в силах с ним конкурировать.

Так что пусть лучше все остается как раньше: пусть наступает очередной номер «снова осень», а весна приходит в положенное ей время; пусть сквозь открытое окно звучит Бах, а тоненькая девушка за мольбертом пусть рисует на холсте пшеничное поле; пусть случается парад планет, взрываются звезды, а космический ветер сдувает с дорог Вселенной все наносное и чуждое. А мы будем учиться слушать и слышать. И тогда каждое время года станет особенным, а «снова осень» более не потребует нумеровать...

Ваша Светлана Сударикова

И. Левитан. Золотая осень

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

К 125-ЛЕТИЮ Ф. Г. РАНЕВСКОЙ

АЛЕКСЕЙ ЩЕГЛОВ (Москва)

- *ВОСПОМИНАНИЯ О ФУФЕ*

6

ИНТЕРВЬЮ

«В ОСНОВЕ ЛЮБОГО ИСКУССТВА ЛЕЖИТ ЭМОЦИЯ...»

Интервью с художником-миниатюристом Владимиром Калининым специально для «Московского BAZARa».

Беседу ведет главный редактор Светлана Сударикова

13

ПОЭЗИЯ

ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛИН (Москва)

ЕВГЕНИЙ АГУФ (МОССАЛИТ, Москва)

ОЛЬГА УВАРКИНА (МОССАЛИТ, Москва)

ОЛЬГА ГУЛИНКИНА (Мытищи)

ЮЛИЯ СОРОКИНА (МОССАЛИТ, Москва)

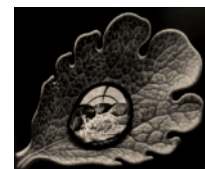

21

ПУБЛИЦИСТИКА – ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ПЕТР ДУБЕНКО (МОССАЛИТ, Самарская область, с. Старая Балыкла)

- *ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТАРОМАН И ЕГО МЕСТО В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

32

ПРОЗА

МИХАИЛ ЛАНДБУРГ (Ришон ле Цион, Израиль)

- *БЛЕДНАЯ ЛЯГУШКА*
- *СЛЕПОЙ ВЕЧЕР*

ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- *ГОЛУБЬ И ЛЮДИ*

НАТАЛЬЯ БУКАН (Санкт-Петербург)

- *ВСЕМУ СВОЕ ВРЕМЯ*

МАРИЯ СИДЛЕР (МОССАЛИТ, Москва)

- *ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ*

37

38

40

47

54

VazART

МАРИЯ СИДЛЕР (Москва, МОССАЛИТ)

- *ФАНТАСТИЧЕСКИЕ МИРЫ АЛЬБРЕХТА ДЮРЕРА*

СВЕТЛАНА СУДАРИКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- *РАННЕЕ НИДЕРЛАНДСКОЕ ИСКУССТВО И МИХАЕЛЬ ПАХЕР. Часть 2*

57

61

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

ОЛЬГА РЫБАКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- ЧЕМ НАШЕ СЛОВО ОБЕРНЕТСЯ

70

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ЕЛЕНА ПОНОМАРЕВА (Саратов). Стихи для детей

НИНА АГОШКОВА (Краснодар). Короткие рассказы для детей

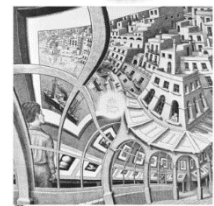
73

76

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

ЗИНАИДА КОКОРИНА (МОССАЛИТ, Королёв)

- ЛОСИНЫЙ ОСТРОВ

78

*В оформлении журнала использованы
репродукции картин М. Эшера, И. Левитана, К. Иванова;
репродукции и фото работ В. Калинина;
репродукции гравюр и картин Альбрехта Дюрера, Михаэля Пахера, Яна ван Эйка,
Ганса Мемлинга, Рогира ван дер Вейдена;
фотографии из семейных и авторских архивов
О. Грушевской, Т. Исаевой, С. Судариковой, З. Кокориной.
На обложке:
Владимир Калинин. Patience.*

Журнал выходит в рамках проекта творческой мастерской «МОССАЛИТ»

Руководитель проекта *Ольга Грушевская*

Главный редактор *Светлана Сударикова*

Редактор-корректор *Ирина Чижова*

Художественный редактор *Ольга Грушевская*

Кураторы рубрик:

«Проза» – Светлана Сударикова, Всеволод Круж

«Поэзия» – Евгений Агуф, Ольга Уваркина, Алексей Казарновский

«Культурное наследие» – Ольга Грушевская, Светлана Сударикова

«Частная территория» – Светлана Сударикова

«Публицистика», «Голос прошлого – литературная критика» – Петр Дубенко

«VazArt» – Ольга Грушевская

«Записки на манжете» – Ольга Рыбакова, Ирина Чижова

«Детское чтение» – Зинаида Кокорина, Ольга Уваркина

Московский BAZAR № 3 (38) 2021 г.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

К 125-летию со дня рождения Фаины Георгиевны Раневской

Алексей Щеглов

(Москва)

ВОСПОМИНАНИЯ О ФУФЕ¹

*Повсюду ищи, а не сыщешь вовек
Подобных лесов и просторов и рек.
Куда ни пойдешь, обойди хоть весь свет,
А края на свете прекраснее нет.*

**Из песни «Тайга»,
муз. Ю. Милютина, сл. В. Типота**

Алексей Валентинович Щеглов (1939–2015), профессор МАрХИ, лауреат премии Совета министров СССР, заслуженный архитектор России. Работал во многих проектных институтах, руководил творческой мастерской «Архпроект», проектировал и строил жилые здания и объекты культуры в России и за рубежом, в том числе для театра им. Моссовета. Будучи ребёнком, Алексей Щеглов неоднократно бывал и подолгу жил во Внукове в посёлке «Московский писатель» (1945–1948). Эти визиты во Внуково неразрывно связаны с Фуфой – замечательной русской актрисой Фаиной Георгиевной Раневской, которая была членом семьи Вульффов: своей наставницы, актрисы Павлы Леонтьевны, и её дочери, актрисы и режиссёра Ирины Анисимовой-Вульф. Лёшеньку Щеглова, сына Ирины Вульф, Фаина Георгиевна нежно называла своим эрзац-внуком, а он её – Фуфой.

Воспоминания Алексея Валентиновича о поездках во Внуково и об интересных встречах в городке «Московский писатель» были любезно предоставлены для нашего издания его вдовой Т. А. Исаевой.

Фаина Георгиевна часто бывала во Внукове, в посёлке, где жили Утёсовы, Ильинские, семьи Лебедева-Кумача, Прута, Милютиных.

¹ Статья из книги «Внуково. “Московский писатель”. В тени больших деревьев» под ред. О. Грушевской. Приводится в сокращении, оригинальное название статьи: «Это было счастье».

Московский BAZAR № 3 (38) 2021 г.

На даче, о которой пишет Алексей Щеглов, жила Софья Ефимовна Прут, бывшая супруга драматурга и сценариста Иосифа Леонидовича Прута. У Прутов были дети – дочь, Софья, и сын, Альфред. Альфред Прут стал авиаконструктором, у него родилась дочь, Наталья, и их семья ещё долго жила во Внукове, пока дом не был продан журналисту Артёму Боровику.

Одно лето, перед тем как мне идти в школу, мы с бабушкой и Татой жили у Орловой, а другое – у наших друзей Прутов на улице Гусева. Сейчас там кирпичный замок-крепость журналиста Боровика. А тогда в ёлках и орешнике стоял деревянный домик, который построил перед войной легендарный человек – сценарист Иосиф Прут. Он помнил имена и отчества всех людей на свете и умел в уме решать наши школьные задачи.

Маленький участок дачи Иосифа Прута был наполнен чудесными звуками – из орешника доносился бесконечный нежный свист: Рахманинов, Чайковский, отрывки из опер, арии и увертюры, иногда мелодии современных песенок.

Свистела Фаина Георгиевна, она очень любила таким образом проводить время в зелёной чаще. Стоял июль 1948 года. В те дни её душу переполняла музыка, казалось, Раневская полностью погрузилась в неё, уходила от суеты повседневности.

Фаина Георгиевна Раневская (урождённая Фанни Фельдман) (1886–1984) – актриса театра и кино. Лауреат трёх Сталинских премий (1949, 1951, 1951). Народная артистка СССР (1961). Член Союза кинематографистов СССР. Имеет много орденов и медалей.

Родилась в Таганроге. Обучалась в Мариинской женской гимназии, училась музыке, пению, иностранным языкам. Театром увлекалась с 14 лет, окончила частную театральную студию А. Ягелло в 1914 г. В 1915 г. уехала в Москву. Была знакома с М. Цветаевой, О. Мандельштамом, В. Маяковским, В. Качаловым.

Играла сначала в провинциальных театрах, а затем работала в московских: Камерный театр Таирова (1931–1933), Центральный театр Красной армии (1933–1939), Театр драмы (ныне Московский театр имени В. Маяковского) (1943–1949), Московский драматический театр имени А. С. Пушкина (1955–1963), Театр имени Моссовета (1949–1955 и 1963–1984). Её учителем была актриса и в дальнейшем большой друг Павла Леонтьевна Вульф.

Почти четверть века проработала в Театре имени Моссовета, на сцене которого исполнила свои прославленные театральные роли: миссис Сэвидж («Странная миссис Сэвидж») и Люси Купер («Дальше – тишина»). В кино дебютировала в 1934 году в фильме М. Ромма «Пышка».

Актриса киностудии «Мосфильм» (1939–1941), Ташкентской киностудии (ныне «Узбекфильм») (1941–1943). Снималась во многих фильмах: «Подкидыш» (1939), «Свадьба» (1944), «Весна» (1947), «Золушка» (1947), «Встреча на Эльбе» (1949), «У них есть Родина» (1949) и др. Её голосом говорит Фрекен Бок в мультфильме «Карлсон вернулся» (1970). Читала А. С. Пушкина.

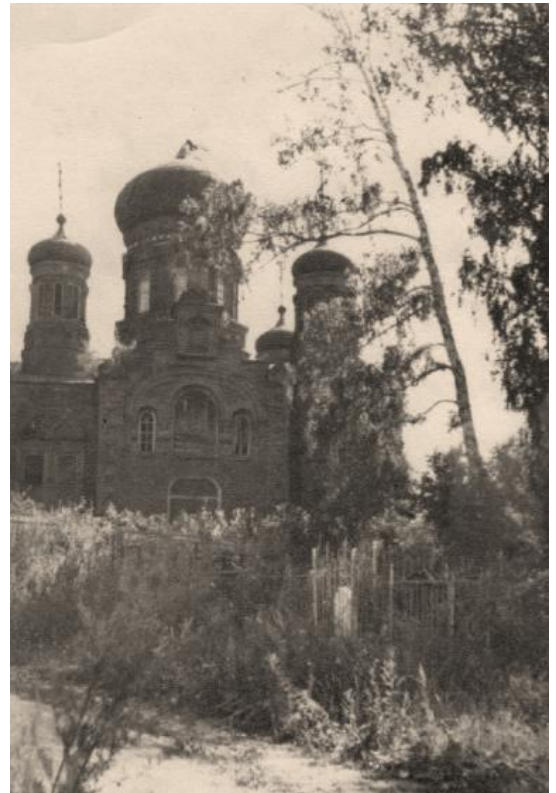
Итогом шестидесятилетней актёрской карьеры стали десятки ролей на сцене и около тридцати – в кино. О Фаине Раневской снято много документальных фильмов, телепередач, написаны книги воспоминаний о ней.

Московский BAZAR № 3 (38) 2021 г.

Во Внукове, в отдалении, у деревни Изварино, на пологом холме стояла церковь Ильи Пророка из красного кирпича – брошенная, с куполами из ржавого железа, она всё равно притягивала внимание Раневской, Прутов, мамы, когда мы ходили вдоль внуковского оврага за грибами. Все шли по тропинке на дне оврага, слышался Фуфин свист и голоса наших дачников.

Выйдя в поле из оврага, они осторожно рассуждали, что церковь на холме немножко похожа на храм Христа Спасителя, «...но тот был белый с золотом, а эта – другая, но почти такая же по пропорциям и столько же куполов...», – дальше я не слушал, убежал от них за грибами: земля была близко, всего в метре от глаз. Пчёлы, осы и муравьи меня не трогали, а маму земляной шершень укусил так, что ей стало плохо: была какая-то несовместимость, она могла тогда погибнуть – губы стали пухнуть, синеть, – но рядом с оврагом находилась летняя аптека детского сада, маме сделали укол, всё обошлось.

Как-то за мной увязалась коза – идёт да идёт, тряся головой. Фуфа моментально вспомнила кинофильм «Весёлые ребята»: Утёсова во главе стада и Любовь Петровну у плетня. Мы довольно долго шли вместе с козой, войдя в образ, по внуковским улицам «весёлых ребят», где жили создатели фильма Леонид Утёсов, Василий Лебедев-Кумач, Исаак Дунаевский, Григорий Александров и Любовь Орлова.

Церковь Ильи Пророка. Внуково, 1950 г.

**Фаина Георгиевна Раневская
и Павла Леонтьевна Вульф
с внуком Алексеем. Внуково, 1948 г.**

Павла Леонтьевна Вульф (1878–1961) – русская актриса, заслуженная артистка Республики (1927). По совету В. Ф. Комиссаржевской поступила в драматическую школу Поллак, через год перешла на драматические курсы в Императорском балетном училище при Александринском театре. В 1902–1904 годах выступала в Рижском городском театре. После революции Павла Леонтьевна жила в Ростове-на-Дону, где познакомилась с Фаиной Раневской и стала её другом и учителем. Автор нескольких книг воспоминаний.

Алексею Щеглову приходилась бабушкой.

В один особенно жаркий день у Прутов на даче было решено идти купаться. Куда? Никакой речки я в округе не замечал. Был только пруд, которым кончалась дачная улица.

«Это не „Прут“, а „пруд“, – учила меня бабушка, – на конце не „т“, как у Софьи Ефимовны, а „д“!» В этом тесном пруду тогда бил холодный ключ, и однажды там утонул несчастный юноша – случился сердечный приступ. На этот пруд никто идти не хотел. А речка всё-таки была – маленькая, незаметная, но не ручей, – вилась себе среди кустов, выходила на луг перед Ильинской красной церковью, и там, среди холодной травы, мы расположились для купания.

Больничный пруд со стороны оврага. Внуково, 1950-е годы

Ирина Сергеевна Вульф (1907–1972) – дочь Павлы Вульф, актриса и режиссёр, заслуженный деятель искусств РСФСР (1956), играла в спектаклях Станиславского и Завадского. Ставила пьесы Шекспира, Уильямса, Розова, Сартра, Штейна. Ирина Сергеевна была близко знакома и работала вместе с Ф. Раневской, Ю. Завадским, Л. Орловой, Р. Пляттом, Г. Бортниковым. В 1946 г., будучи режиссёром Театра имени Моссовета, поставила спектакли «Русский вопрос», «Девочки», «Маскарад», «Варвара Волкова», «Сомов и другие», «Лиззи Мак-Кей», «Король Лир», «Нора», «Миллион за улыбку». Была вторым режиссёром на съёмках фильма Григория Александрова «Весна». С 1939 года преподавала в ГИТИСе.

Мать Алексея Щеглова.

Я не умел плавать. Бабушка, Фуфа и Пруты сидели на траве, а мама держала меня и ласково и медленно окунала в речную прохладную блестящую рябь – весёлую и неожиданную, с жёлтым песчаным дном, похожим на полосатое небо нашего кота.

Через год, в Сочи, я осмелел и решил постоять в воде у морского берега – набежала волна и легко опрокинула меня. Помню шум бегущей плотной воды в ушах и крепкие мамины руки, схватившие меня за бока, и – опять – свет, солнце и её голос: «Здесь море – волны, это не Внуково!»

Любовь Петровна владела высокой культурой души и чувств. На девятнадцатилетие своей племянницы Маши Орлова писала ей: «...и пусть Бог бросит цветы счастья на пути твоём...». Когда у нас дома раздавался по телефону её знакомый всей стране голос, она неизменно спрашивала: «Это Алёша?» или «Это Танечка? Здравствуйте, это Любовь Петровна» – и всегда хотя бы два слова: «Как вы, как дела?»

Любовь Петровна была для нашей семьи эталоном вкуса, умения одеваться, подбирать аксессуары. Даже ситцевые шторы в розах и такая же обивка мебели на даче в спальне у Орловой были показаны мне мамой в один из визитов к Любви Петровне со словами: «Запомни: всё, что ты здесь видишь, Алёша, самого высокого вкуса». Тогда не было модных западных журналов, каталогов, русский модерн был под запретом, и только деревянные скамейки бедных московских трамваев и коричневые диваны метровагонов являли собой доступный образец красоты интерьеров советской Москвы. А Орлова могла ездить в Париж за обивкой – у неё и Александрова был так называемый открытый счёт и такие же паспорта. Любовь Петровна умела избежать в общении с нашей семьей, да и со всеми другими, высокомерия и снобизма, хотя дом Орловой и Александрова всегда был домом, закрытым для больших компаний.

А на даче у Любви Петровны шли работы по оборудованию и совершенствованию её жизни, которая в нашем понимании уже давно достигла идеала. Орлова и Александров в тот год много путешествовали, были на музыкальном фестивале в Венеции со своим фильмом «Весна».

**Фото Ф. Г. Раневской с котом Тику
в фойе театра Е. Камбуровой**

О Мальчике, знаменитой собаке Фаины Георгиевны Раневской, написано много. Она нашла его на улице – большим, замёрзшим, с переломанными ногами, и ветерачи, к которым Раневская сразу привезла подобранную дворнягу, хотели его усыпить, но актриса не позволила. Его вылечили, и с тех пор пёс жил у Фаины Георгиевны в квартире. Мальчик не мог оставаться в доме один, тосковал и страшно выл, поэтому Раневской приходилось брать его в театр на репетиции. Актриса была к Мальчику очень привязана.

После её смерти на надгробии актрисы на Новом Донском кладбище была установлена фигурка её любимого Мальчика.

Когда Фаины Георгиевны не стало, Мальчик переехал на Котельническую набережную, в квартиру актрисы, и жил там уже с новой хозяйкой, Светланой Майоровой. Но тосковал очень и продолжал выть.

По удивительному стечению обстоятельств Мальчик был похоронен во Внукове – там, куда Раневская часто ездила с семьёй Вульф отдыхать.

Тем летом по приглашению Орловой моя бабушка Павла Леонтьевна, Тата и я жили на даче во Внукове у Любови Петровны. Я не могу забыть этого дома. Огромная гостиная с камином в углу и каменным киноэкраном, встроенным в стену, деревянной лестницей, дубовыми лавками со сквозными сердцами по бокам, которые придумал Григорий Васильевич, такое же окошечко-сердце на глухой входной дубовой двери, большая крытая терраса, газон, цветы, ёлки, берёзы.

Под обаянием этой среды Павла Леонтьевна приготовила с семилетними детьми, Машей Голиковой и мной, ностальгическое представление – покурри из басен Крылова и французских миниатюр. На это сомнительное зрелище на террасу пришли приглашённые соседи: Утёсов с Эдитой, Софья Ефимовна Прут – мать всех Прутов, Лебедев-Кумач, Любовь Петровна и её любимая сестра, Нонна Петровна, со своей семьёй, Григорий Васильевич, Раневская. В доме Орловой и Александрова была какая-то театральность, слитая с комфортом. Позже Григорий Васильевич говорил о своей жизни с Любовью Петровной: «Это были сорок два года непрерывного счастья».

В том же году Раневская писала о Любови Петровне: «Сказать про Любочку "добрая" – это всё равно, что сказать про Толстого "писатель не без способностей"».

Сестра Любови Петровны, Нонна Петровна, запомнилась мне удивительной мягкостью, даже нежностью характера. Это была женщина необыкновенно красивая – таких лиц сейчас нет. Огромные глаза и какой-то изысканный, полный достоинства облик её обладали необычайной привлекательностью. У неё была тяжёлая астма, в Москве она задыхалась. Врач сказал: «Вам надо дышать сеном, доить корову в хлеву – и всё пройдёт». Любовь Петровна выхлопотала ей во Внукове участок неподалёку от своего и разрешение иметь корову. Болезнь ушла. Есть фото Нонны Петровны – она обнимает корову, свою спасительницу.

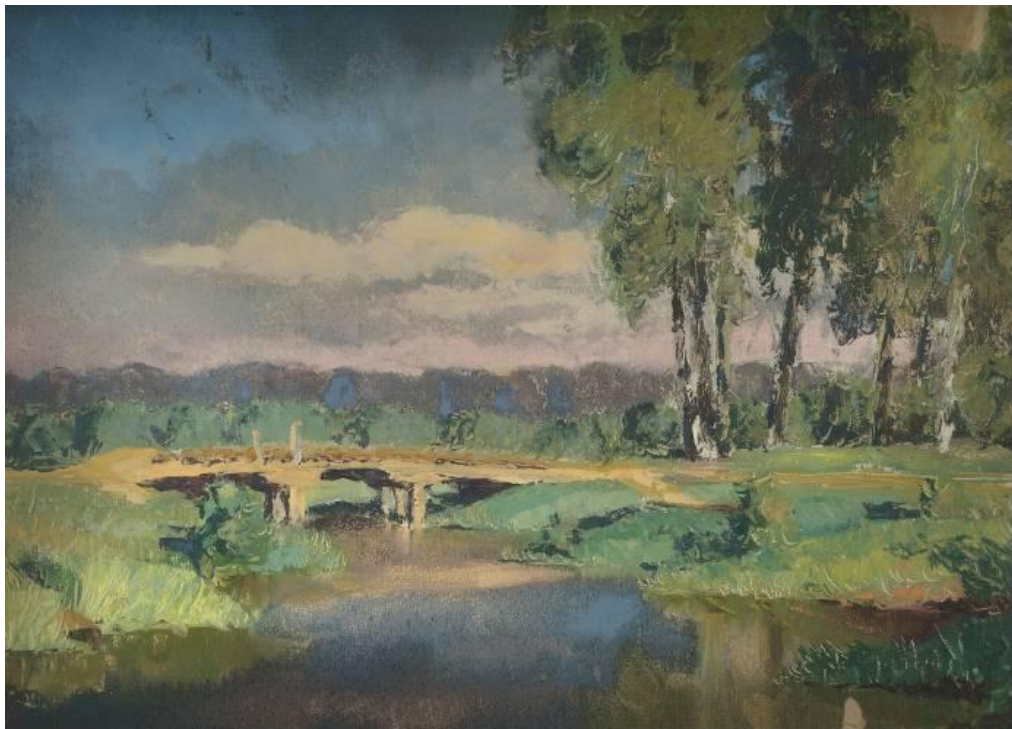
Московский BAZAR № 3 (38) 2021 г.

Последний раз Фаина Георгиевна отдыхала вместе с Павлой Леонтьевной во Внукове летом 1958 года. Фуфа сняла для бабушки комнату и террасу на даче напротив Прутов; моя мама и Фуфа бывали во Внукове наездами.

В одну из редких театральных пауз они привезли с собой нашего обожаемого сиамского кота Тики, попавшего к нам тем же путём, что и альбом Ива Монтана, от С. В. Образцова, который жил на другой внуковской улице и разводил в СССР сиамских котов. Короткий отдых кончился драматически: кот моментально исчез, и убитая горем мама несколько последних дней отпуска ходила по дачным улочкам, призывая беглеца: «Тики, Тики!» Кота обнаружили на седьмой день рядом с дачей. Мерзавец никуда не уходил, а сидел в кустах, внимательно наблюдая за мамиными мучениями, которые прерывались лишь беспощадной критикой Фаины Георгиевны в адрес всего сущего. В архиве Раневской в ЦГАЛИ есть большая фотография Тики, которую я подарил Фаине Георгиевне. На обороте она написала: «Я его страстно любила, называла Кон-Тики, он недавно умер».

* * *

Раневская любила природу средней полосы России, покоровшую Чехова и Левитана, и всё пыталась сама писать акварелью стволы деревьев, пруд и дождливое пасмурное небо. Пушкинское «наше северное лето – карикатура южных зим» было ей дорожке солнечных полотен мастеров «победившего соцреализма». Поэтому, наверное, она так часто возила нас в Серебряный бор, в Комарово, любила дубовые рощи и овраг во Внукове. Там она гуляла с Павлой Леонтьевной по дорожкам, и они вместе смотрели на зелёно-красную церковь у деревни Изварино.

К. Иванов. Река Ликова. Внуково, 1947 г.

ИНТЕРВЬЮ**В ОСНОВЕ ЛЮБОГО ИСКУССТВА
ЛЕЖИТ ЭМОЦИЯ**

*Интервью с художником Владимиром Калининим
специально для МВ.*

Беседу ведет главный редактор Светлана Сударикова.

История федоскинской миниатюры – это сложный путь падений и взлетов, от небывалой популярности до полного закрытия фабрики. Однако это удивительное производство выдержало все перипетии времени, и мы по-прежнему можем наслаждаться уникальными изделиями федоскинских мастеров. Сегодня, как и во времена купцов Лукутиных, на фабрике трудятся профессиональные художники, создающие уникальные произведения масляной живописной миниатюры, совершенствуя и развивая богатые традиции промысла.

А все началось в 1795 году, когда московский купец первой гильдии Петр Коробов основал в селе Данилково недалеко от Федоскина мануфактуру по изготовлению козырьков для армейских киверов, поскольку государственный шляпный завод не справлялся. Однако очень скоро предприимчивый купец решил наладить производство модных лаковых табакерок. Для этого он лично поехал в Германию на фабрику Штобвассера в Брауншвейге, где на тот момент было лучшее производство изделий такого рода, чтобы самому ознакомиться с производственными тонкостями. Обратившись к немецким мастерам, купец вернулся с немецкими мастерами и наладил собственное производство изделий из «жёванной» бумаги: табакерок, шкатулок, бисерниц, спичечниц, альбомов, пользующихся большим спросом. Поначалу на коробочки наклеивали картинки, и лишь с 1814 года стали расписывать вручную. В качестве техники росписи выбрали лаковую миниатюру, причем равнялись ни больше ни меньше на мастеров эпохи Возрождения.

В 1825 году фабрика перешла под управление купцов Лукутиных, Петр Васильевич Лукутин был женат на дочери Коробова, которой фабрика досталась в наследство. Именно с этого момента начинается настоящий расцвет федоскинской миниатюры. Художники, работающие на фабрике, проходили обучение в Строгановке, купцы получили право ставить на изделиях клеймо – золотого двуглавого орла и фамилию владельца. На свои изделия купцы давали гарантию 100 лет. Неудивительно, что лукутинские шкатулки стали пользоваться популярностью не только в России, но и в Европе. Основным мотивом, используемым художниками, были бытовые сценки: чаепития, сенокосы, русские пляски и русская тройка, ставшая символом федоскинской миниатюры. Кроме того, художники переносили на шкатулки картины русских художников. Однако художники не делали точную копию картины. В зависимости от формы изделия могла измениться композиция, исчезнуть второстепенные персонажи, таким образом миниатюра превращалась в самостоятельное уникальное произведение.

О купцах Лукутиных стоит сказать отдельно. Это были известные меценаты, они состояли в учредителях МХАТа, были людьми просвещенными, а своих работников обеспечивали не только жильем, но и предоставляли возможность обучения, оплачивали дрова и керосин.

В. Калинин. Пластина «ИРИС».
Папье-маше, масло, лак, 15,7 x 20, 8 см

В. Калинин. Пластина «ШМЕЛЬ».
Папье-маше, масло, лак, 19 x 13,5 см

К началу XX века лукутинское производство пришло в упадок и в 1904 году было закрыто. Только в 1910 году при поддержке Саввы Морозова производство было восстановлено, а бывшие мастера объединились в артель. Былое лукутинское качество достаточно быстро восстановили, а в 1913 году изделия артели получили малую золотую медаль на Всероссийской выставке сельскохозяйственной промышленности в Киеве.

Революция внесла в деятельность фабрики коррективы. Поначалу новые власти даже пытались фабрику закрыть. Но после того, как в 1923 году изделия были удостоены диплома I степени на Всесоюзной выставке сельскохозяйственной и культурно-промышленной продукции в Москве, начался новый этап в жизни федоскинской миниатюры. Разумеется, сюжеты изменились. Они стали соответствовать вкусам и требованиям новой власти. На шкатулках появились портреты вождей, космонавтов, но и традиционные федоскинские мотивы остались. А еще появились сказочные сюжеты. Так, Никола Саркози по случаю рождения дочери получил в подарок от Дмитрия Медведева шкатулку «Садко» по мотивам известной былины.

Сегодня федоскинское производство известно во всем мире. Здесь работают мастера высокого класса. Федоскинская лаковая миниатюра живет и развивается, опираясь на богатые вековые традиции промысла.

В гостях у «Московского BAZARA» художник миниатюрной живописи, член Российского авторского общества (РАО), член Союза художников декоративно-прикладного искусства Владимир Калинин. Работы Владимира находятся в музее Федоскинской фабрики миниатюрной живописи, во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства (музей декоративно-прикладного искусства), Московском областном музее народных художественных промыслов, а также в частных музеях и коллекциях в России и за рубежом.

Работы Владимира Калинина

Шкатулка «ГРАНАТ».
Папье-маше, масло, лак, алюминиевая пудра,
перламутр, фольга, цирковка 22 x 15 x 7 см

Визитница «СТРЕКОЗА».
Папье-маше, масло, лак, 11,3 x 6,1 x 2,8 см

Коробочка «БУКЕТ».
Папье-маше, масло, лак. 2005 г.

МВ: Здравствуйте, Владимир, спасибо, что пришли к нам в гости. И первый вопрос: кто есть художник, по-вашему – тот, кто отображает на своих картинах действительность, или тот, кто пытается заглянуть за грань этой действительности? И что важнее? И вообще, зачем нужно заниматься живописью?

ВК: Все художники разные, у всех свои представления о профессии. Причем бывает кардинально разные представления. Много направлений, течений, стилей. Так и должно быть. Каждый находит смысл в чем-то своем. По-моему, художник так или иначе отображает действительность и в то же время пытается заглянуть за грань этой действительности. Это такая синтетика, где переплетается всё. Зачем заниматься живописью? Наверно, просто интересно, возникает желание, нравится этим заниматься...

МВ: Многие современные дети, да и не только современные, с выбором профессии определяют в последних классах школы, а когда вы поняли, что хотите стать художником? И в каком возрасте написали свою первую картину?

ВК: Наверно, в детстве бывают самые яркие впечатления, эмоции, которые влияют потом на всю нашу жизнь. У меня получилось именно так. В детстве, в девять лет, я был в летнем лагере рядом с Федоскином. Там впервые увидел лаковую миниатюру. Глубина лака, мерцание перламутра, сусального золота... Было ощущение, что так руками сделать невозможно... Пробовать что-то писать стал гораздо позже, лет в четырнадцать. Да, у меня тоже выбор был сделан в последних классах школы. Действительно это у многих так происходит.

МВ: Почему именно лаковая миниатюра стала вашим призванием? И как, по-вашему, художник – это ремесло, которым может овладеть каждый, или призвание, дар Божий, которым просто невозможно не заниматься?

Московский BAZAR № 3 (38) 2021 г.

ВК: Призвание, дар Божий – очень громкие слова. Наверно, никто не знает, какое у него истинное призвание... Как мне кажется, просто есть какие-то способности, желание, любовь к своему делу. Любимое дело – наверно, так точнее. Ремесло – да, без него никуда. Тем более в лаковой живописи. В это понятие входит много вещей. Например, любые знания и умения, в том числе знание технологии, техники живописи и т. д., – это все ремесло. Тем более федоскинская техника подразумевает использование самых разных материалов. Сусальное золото, поталь, металлические порошки, перламутр, фольга – это далеко не полный список используемых материалов. Ремеслу можно и нужно научить, но можно ли научить мыслить, фантазировать, придумывать что-то? Говорят, что в работах художника видна его душа. Так и есть. Настроение, душа, эмоции, энергетика...

МВ: Нет ли желания писать большие художественные полотна, а не крохотные миниатюры на изделиях народного промысла? Или у вас есть и картины?

ВК: Мне не нравится, когда то, чем мы занимаемся, называют народным промыслом. Народным промыслом Федоскино не являлось никогда. Это был семейный бизнес, предприятие. Художники обучались, это профессия, так же как любая другая профессия. Мы же не называем Фаберже народным промыслом? В советское время это искусство просто так обозначили. Идеологически так было удобно. Миниатюра, это тоже условность. Пластина размером 70 на 30 сантиметров – это миниатюра или уже нет? Все это прикладное искусство, лаковая живопись. Границ никаких нет, есть техника лаковой живописи полная свобода творчества.

Работы Владимира Калинина

Визитница «КОМАРИКИ».
Папье-маше, масло, лак, алюминиевая пудра,
11,3 x 6,1 x 2,8 см. 2006 г.

Визитница «TROMPE-L'OEIL».
Папье-маше, масло, лак,
11,3 x 6,1 x 2,8 см. 2006 г.

Ручка «АКВАРИУМ».
Масло, лак, скань, 15,4 x 1,24 см

Шкатулка «НАТЮРМОРТ С АДМИРАЛОМ».
Папье-маше, масло

Ларец «ЦВЕТЫ И СОТЫ».
Папье-маше, масло, лак,
сусальное золото

МВ: Что самым важным считаете в вашей работе?

ВК: Самое важное, чтобы нравился сюжет, замысел. Также должен нравиться процесс работы. Если этого нет, значит не будет удовлетворения от работы и сам процесс превратится в каторгу.

МВ: Каковы основные темы ваших полотен?

ВК: Основные темы моих работ – это натюрморт и все, что с этим связано. Цветы, животные, птицы, насекомые... Любимый объект – это цветы. Писать их сложно, но очень интересно.

МВ: Для репродуцирования на коллекционном фарфоре вы создали несколько эксклюзивных работ для Bradford Exchange, в частности для Royal Albert. Расскажите об этом поподробнее: что это за проект, что за работы, тема работ, сюжеты?

ВК: Это был проект по репродуцированию работ на коллекционном фарфоре. Было создано несколько серий тарелок, в частности несколько работ было сделано эксклюзивно для Royal Albert.

МВ: В армии вы разрисовывали простые биковские зажигалки, а что к этому подвигло? Баловство или необъяснимая потребность художника все время что-то рисовать – хоть на салфетке?

ВК: Армия – это особое время в биографии. Ты не принадлежишь себе, ты не можешь заниматься своим любимым делом, своей профессией. Поэтому – да, и это было, а еще портреты маслом, гуашью и пейзажи из окна лазарета... Много всего..

Шкатулка «ШИПОВНИК».

Папье-маше, масло, лак, алюминиевая пудра, поталь

Шкатулка «ИВАН-ЧАЙ».

Папье-маше, масло, лак

МВ: *Бывают ли времена творческого застоя, когда ничего не хочется делать? И как художник, связанный обязательствами, выходит из такой ситуации (если случается)?*

ВК: Так как художник – это профессия, значит нужно уметь выходить из таких ситуаций. Если ничего не хочется делать, значит нужен отпуск!

МВ: *Есть ли любимые цвета?*

ВК: Любой цвет прекрасен. Любимых цветов нет. Есть сочетания, когда цвета подчеркивают, усиливают друг друга, а еще с помощью цветовых сочетаний можно создать атмосферу, настроение: радость, печаль, тревогу, веселье...

МВ: *Никогда не бывает жалко расставаться с готовыми работами?*

ВК: Такое бывает, когда понимаешь, что вряд ли увидишь работу снова. Так было, когда работал на Федоскинской фабрике.

МВ: *Прежде чем приступить к работе, вы продумываете сюжет от а до я, или по ходу работы может что-то измениться? Всегда ли готовая работа получается такой же, как задумывалась, и если нет, то какое чувство вы испытываете? Иными словами: творческий процесс допускает свободный полет мысли и отступление от первоначального плана?*

ВК: Всегда бывает по-разному. Обычно идея возникает и вызревает в голове. Постепенно идея обрастает деталями, изменяется. Но все равно работа меняется при написании. Даже подробный эскиз не дает полного представления о том, как будет выглядеть готовая вещь. Готовая работа – это и есть последний эскиз. Именно тогда становится понятно, что удачно, а

Московский BAZAR № 3 (38) 2021 г.

что можно было бы изменить. Бывает, что работа заходит в тупик, бывает, что работу вовсе приходится стирать... И такое бывает. Все это естественный процесс.

МВ: *Есть ли в федоскинской живописи какие-то нормы и правила? И если есть, не мешают ли они творческому процессу?*

ВК: Есть классическая многослойная техника масляной живописи. Это база. Есть технические живописные приемы использования сусального золота, перламутра. Каких-то канонов в федоскинской лаковой живописи нет, особенно сейчас.

МВ: *Как вы думаете, современное искусство, так называемое Contemporary art, с его эпатажем и перформансами, временами совершенно нелепыми и вызывающими, – это закономерный этап в развитии живописи, вершина свободы выражения или упадок, яма, то, что Кончаловский в своих лекциях назвал «черной дырой»?*

ВК: Современное искусство очень многообразно. Нравится то, где есть талант, душа, мастерство. Да, абсолютно согласен: то, что происходит – закономерно, вектор развития, к сожалению, именно такой, деструктивный.

МВ: *А что помогает в работе? Может быть, музыка, или аудиокниги, или художник должен работать в тишине?*

ВК: У меня по-разному. Чаще бывает, нужна музыка, но бывает, слушаю аудиокниги, а бывает, что работаю в тишине.

МВ: *Какую любите музыку? Кто любимый композитор?*

ВК: Музыка нравится тоже разная, от классической до поп. Наверно, все решает настроение. В общем, больше музыки, хорошей и разной!

МВ: *А бывает так, что сюжеты или детали сюжетов приходят во сне? И вообще, какие сны снятся художнику?*

ВК: Да, такое бывает! Тогда нужно быстрее зафиксировать впечатление, иначе забудешь. Причем бывает достаточно даже карандашного наброска, чтобы потом вспомнить сюжет в цвете и деталях.

МВ: *Какой совет вы даете начинающему художнику, пришедшему работать на федоскинскую фабрику?*

ВК: Самый сложный вопрос. Проблема состоит именно в том, что молодежи нет. Система выстроена таким образом, что выживать художникам трудно, а работающим на фабрике тем более.

МВ: *Тогда какой совет дадите студенту художественного училища, решившему связать жизнь с живописью, стать профессиональным художником?*

Московский BAZAR № 3 (38) 2021 г.

ВК: Слушать себя, свои эмоции. Именно на этом все держится. Эмоция – в самой основе любого искусства.

МВ: Большое спасибо за интересную беседу. «Московский BAZAR» желает вам творческих успехов, вдохновения и, как это сейчас принято, здоровья.

В. Калинин. Розы

Московский BAZAR № 3 (38) 2021 г.

ПОЭЗИЯ

Не стало нашего коллеги, друга, моссалитовца, прекрасного барда и поэта **Валерия Евдокимова**.

В этом номере рубрику ПОЭЗИЯ
мы посвящаем **Валерию**

Вячеслав Михайлин

Гитару обнимаю...

Валерию Евдокимову

Гитару обнимаю неуклюже
И щуря близорукие глаза,
Маэстро зачинает песнь натужно,
Как будто и не знает, что сказать.
Но голос вырывается из плена,
Как узник, засидевшийся в груди,
И вот уже шумит прибором пенным
Прилива. И не хочет уходить.

Я слез своих восторженных не скрою,
Лишь только б не кончался этот сон,
Чтоб вновь звучать натянутой струною
Высокой ноте чувства в унисон.

Мне кажется, что я об этом думал,
Мне чудится, что это я пою,
Что я перстами страстно бью по струнам
И на лады истертые давлю.
А голос разрывает свод небесный,
И только лишь обрушив небосвод,
Душа, оборотившаяся песней,
До сердца непонятливой дойдет.

Я слез своих восторженных не скрою,
Лишь только б не кончался этот сон,
Чтоб вновь звучать натянутой струною
Высокой ноте чувства в унисон.

То где-то гром далекий загрохочет,
 То замурлычет на коленях кот,
 А то побудку самый первый кочет
 С рассветными лучами проорет.
 То стекла задрожат, раскатам вторя,
 То в люстрах отзывается хрусталь,
 И песня разливается над морем,
 И я по морю уплываю вдаль.

2012 г.

Евгений Агуф

Валере Евдокимову

«Лечу безысходности радугой песен»,
 Напетых на флешку, на память... на век.
 Всегда и везде заразительно весел;
 Наверно, и там ты желаннее всех.

Ты крылья набрось, прилетай хоть на вечер –
 Споешь, что-то выпьем и вместе споем...
 Ты знаешь, тебя не хватает... и песен...
 Простых, лучезарных – о счастье твоём.

Ну как же ты мог нас оставить без песен,
 Без дружбы, улыбки, гитары... любви...
 Мы смертны, и там, повстречаемся если,
 Споем, как вчера...
 ...только скоро не жди...

Мелькают дни

Мелькают дни – работа, дом, работа;
 Краду чуть-чуть из времени на сон,
 Но что-то оставляю на потом
 В надежде вторник наверстать в субботу.
 Вчера забыл тебя поцеловать,
 Полгода не держал в объятьях внука...
 Работа, дом, а впереди разлука
 Внезапная, как умершая мать.

Опять забыл учесть, что все проходит,
 Что не вернусь к отложенным делам;
 Но кажется, есть время где-то там,
 Где напишу на тысячу мелодий
 Невероятно лучшие стихи,
 Прославив чувства к женщине любимой...
 Там нет ни слез, ни бурь адреналина,
 Есть только непрощенные грехи.

Пляски со смертью

Судьба поджаривает пятки,
 Прилег, присел, вскочил, бегу...
 И кажется, что я в порядке,
 И что с судьбой опять в ладу;

Что впереди поля без края
 Из ненаписанных стихов,
 Которые тебе, родная,
 В букеты собирать готов...

Но оказалось, что жаровня
 Полна углей, и только бег
 Позволит не уснуть в оглоблях,
 Не исключая бегства вверх.

Вспомни день, когда меня не станет...

Вспомни день, когда меня не станет...
 И забудь. Я буду вечно жить.
 Я хочу успеть недолюбить
 Нежность губ в предутреннем тумане.

Легкость рук, плетущих ласку в вечность,
 Я успею недооценить...
 Глаз влюбленность мне не пережить,
 Счастьем устремленных в бесконечность.

Грусть разлук уйдет, оставив скалы
 Буйства чувств и преданности снов.
 Жив тобой совсем не ради слов...
 И поэт – тебе, а не для славы.

Без тебя

Без тебя я не тот –
 Мне легко уместиться в пространстве...
 А отросшие крылья – в быту бесполезная вещь.
 Рудименты мечты – как подагрой крученые пальцы,
 Больше боли, чем толку – хоть ныне, хоть завтра отрежь.

Без тебя – решетом
 Мне вычерпывать жизни остаток...
 Время высохло – сутки вмещают то месяц, то год;
 А мелькание вёсен и лет разноцветьем заплаток
 Удивляет, и я, как когда-то, несусь в поворот.

Без тебя все не так –
 Боль фантомного сердца все тише...
 Неуютно летать по ночам, если крылья сложить.
 Чем лежать, прижимаясь спиной к одиночеству крыши,
 Я умножу себя на стихи и прошедшую жизнь.

Я помню...

Я, помню, с детства кладбищ не любил.
И на поминках умирал от скуки –
Неловко наблюдать чужие муки,
А на сочувствие – ни слез, ни сил.
Там череда привычных ритуалов,
И речи – хорошо иль ничего.
Был человек. Щелчок – и нет его.
И место, где он жил, холодным стало.

Вдруг понимаешь – пусто без него.
Еще один... и круг родных редееет,
За ним и те, кто ближе, кто роднее...
И кладбище – как старое село, –
Я кланяюсь, здороваюсь и плачу,
Стою у ног родных, врагов, друзей.
Всех примирила смерть, она сильнее
Любви, вражды и слез моих в придачу.

Во мне любви к отеческим гробам
Не больше, чем к каким-то упаковкам,
И я, как в детстве, чувствую неловко
Себя, когда иду на встречу к вам –
Полить цветы, поправить холмик свежий,
Произнести какие-то слова...
Все меньше нас, кто не ушел сюда.
Все больше тех, к кому приходят реже.

В. Калинин. Пластина «ОСЕНЬ».
Папье-маше, масло, лак, 26 х 20 х 2 см

Ольга Уваркина

Из века в век...

*...И снова небо падает на землю...
...Никто не видел плачущей Минервы,
А я не зрел распятого Христа.*

Александр Граков (Лекса)

Из века в век не всяких мучит совесть.
В мешках житейских ворох острых шил.
И можно долго жить, не беспокоясь
За то, чем в этой жизни согрешил.

Для них, мой друг, не жди сей час расплаты,
И даже на потом не уповай!
Земля родит святых и супостатов.
Всевышний им готовит ад и рай.

Кому – куда, измерить экой мерой,
И чью программу выполнить спешим?
Все мифы – от Минервы до Венеры.
Вся правда – в покаянии души.

И пусть судьбы секундой не поправит
И прошлого минут не возродит,
Мне верится в Христа, а не в Ваввву,
Я Саломее предпочту Юдифь...

Есть тайна тайн в мирах о выси звездной,
Как центр, где средоточие и глушь,
Но, если призадуматься серьезно,
Она и есть пристанище для душ...

«И снова небо падает на землю».
Не боги, люди – слабое звено.
Мир горний бессердечных не приемлет,
А все Атланты умерли давно.

Памятное

Вы теперь часто будете сниться.
Мне утраты не спрятать, не скрыть...
Чередуя меняются лица
Уходящих в иные миры.

Ваши мысли в огромной Вселенной,
На страницах Инета слова –
Несгораемы будут, нетленны
До тех пор, пока память жива.

Ваша доля не злая – иная:
След в душе оставляя и – врозь...
Ах, как часто о вас вспоминаю
И о том, что сбылось – не сбылось!

Свет изменчив, и тень не фальшива,
Но, как раньше, а также сейчас,
Вы со мною, вы рядом, вы живы,
И, скорбя, не погаснет свеча.

Постою у домашней иконы,
Где душа откровеньем звенит,
Помолюсь обо всех поименно,
Разделявших и ночи, и дни...

Верю я, за завесой молчанья,
За легендами кармы и тризн,
Наша встреча была не случайной,
Как и всё, что дарила мне жизнь.

Об ушедших

Горит вечерняя заря,
И воздух дремлет...
На небеса летят друзья,
Сошедши в землю.
Как небосвод багряный спел!
Как звать их поздно!
За ними столько добрых дел,
И путь их – к звездам.
Последний взгляд даря с небес
И всепрощенье,
Летят, земной оставив крест,
В освобожденье,
Сжигая за собой мосты....
Как безвозвратно всё!
Но снова,
Смотрю на звезды, на кресты,
И плачет слово...

В. Калинин. Ларец «ТЮЛЬПАНЫ».
Папье-маше, масло, лак, сусальное золото

В. Калинин. Шкатулка «РЫБКИ».
Папье-маше, масло, лак, алюминиевая пудра, фольга, скань

Ольга Гулинкина

Валерию Евдокимову

А я не оттолкнусь никак
для нового прыжка...
Смотрю, как льется в облака
твоей души река...

И все никак не оторвусь,
как заморожена...
Как будто бы вросла в траву
и обезножена...

И только голос в вышине,
а в нем тепло и свет...
И, знаешь, непонятно мне,
кого из нас здесь нет...

Алексей Казарновский

Когда-то был огромен мир

Когда-то был огромен мир,
И жизнь казалось бесконечной.
В ней и наивно, и беспечно
Звучал восторженный клавир
Надежд и розовой мечты.
И от восхода до заката
День долог, и ничтожна плата
За радость быть. И верил ты,
Что эта радость навсегда –
В трудах, удачах и победах.
Не думалось в те дни о бедах,
И жизнь была светла тогда...

Но, крадучись, неуловимо
Мир постарел, стал мал и тесен,
Обычен и неинтересен.
Мелькая, дни проходят мимо,
Да что там! Месяцы и годы
Уже слились в поток неяркий,
В котором сладостных подарков
Не ожидаешь от природы.
Зато уже не счесть потерь...
Свеча мерцает, догорая,
Печалей горестная стая
Кружит над головой теперь.
Чуть-чуть додумать, долюбить,
И все растает, словно сны,
Как память прожитой весны,
Что нам дарила время быть...

Пустеет мой уютный мир

Пустеет мой уютный мир,
И звук шагов все глуше, глуше.
Уходят родственные души
В бездонность, в темноту, в эфир...

За днями дней волна густа,
Бежит, грозя прорвать плотину,
И мир пустой наполовину
Смести, как домик из песка.

Уже почти дочерчен круг,
И сожаленья не помеха.
Лишь только трепетное эхо
Доносит вдруг неверный звук.

Мой старый мир окрашен в беж,
В нем реже оживают тени,
И между грустных сновидений
Все меньше радостных надежд.

*В. Калинин. Декоративное панно
«ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ». Папье-маше, масло, лак*

В. Калинин. Панно «СИНИЦА». Папье-маше, масло, лак

Юлия Сорокина

Вместо сердца

Вместо сердца – дыра.
 Дон Кихот заболел и умер.
 Я сказала: пора,
 В городском ненасытном шуме
 Расставаться легко –
 Отпускать, обижать, не верить.
 Падать не высоко
 С тротуара. Свои потери
 Не копить, не считать
 С осторожностью дилетанта.
 Незаметно мечта
 Тихой поступью Росинанта,
 Оглянувшись, уйдет,
 Уступая чужой фортуне.
 И никто не спасет –
 Дон Кихот заболел и умер.

Одна

Я в целом городе одна –
 Мне словом поделиться не с кем,
 Как страшно светится луна,
 Холодным озаряя блеском.

Листвой опавшей шелестя,
 Летят минута за минутой,
 И я, как малое дитя,
 В чужих глазах ищу приюта.

И в веренице мелочей
 Судьбы угадываю знаки,
 И среди тысячи ночей
 Душа теряется во мраке.

Как будто я обречена,
 Как будто заперта в квартире.
 Я в целом городе одна,
 А кажется, что в целом мире.

Зеркала

Занавешены зеркала,
 Чтобы в прошлом не раствориться,
 Чтобы боль моя не смогла
 Одиночеством отразиться,
 Чтоб упасть до самого дна
 И назад не сметь оглянуться.
 Я уснула вчера одна,
 Чтобы в жизни другой проснуться.

Чтоб открыть глаза и понять,
 Что жила и дышала тобою.
 Будет осень зима менять,
 Будет лето гореть за весною.

Будет месяц огарком тлеть –
 Становиться бледней и тоньше.
 Буду в черное небо смотреть
 И не думать, что нет тебя больше.

Будет снег за окном кружить,
 Сквозняками шептаться двери.
 Каждый день просыпаться и жить?
 Буду жить без тебя? Не верю!
 Без тебя не хватает тепла...
 Я рукою зеркало трону.
 Там, с другой стороны стекла,
 Ты коснешься моей ладони.

Не верю

Как жить – не знаю. Как дышать?
 Как возвращаться в шепот комнат?
 Весь одиночеством наполнен
 Мой дом, и некуда бежать.

По вечерам теперь одна –
 Прислушиваюсь к звукам дома.
 Из приоткрытого окна
 Течет прохлада в сумрак сонный.

И слова некому сказать,
 Чтоб наваждение развеять.
 А сердце продолжает ждать
 И в твой уход не хочет верить.

Пропало лето

Пропало лето в грохоте дождей,
 Что барабанят каждый день по окнам,
 В шуршании ветровок и плащей,
 В листве, к стволам приникшей – рыжей,
 мокрой.

Пропало, словно не было тепла.
 Исчезли птицы, небо стало низким.
 Конечно, не нарочно, не со зла,
 Но увело с собою самых близких.

Пустые скверы, пустота дворов,
 Нависли серые громады зданий.
 Под завыванье северных ветров,
 Явилась Осень в срок, без опозданий.

Шумят деревья ночи напролет:
 «Пропало...» Только стоит ли об этом?
 Когда никто не ищет и не ждет,
 Так просто уходит. Пропало лето.

Уйдём

Что сегодня случилось со мною?
 Словно чашу, до самых краев,
 Почему-то осенней тоскою
 Вдруг наполнило сердце мое.

Вдруг напомнило: все мы не вечны,
 И однажды уйдем навсегда,
 Измеряя шагами Путь Млечный,
 Может быть, не оставив следа

На Земле: ни долгов, ни наследства,
 Ни причины, чтоб вспомнили нас.
 Мы уйдем. Не придумано средство
 Все вернуть – мы живем только раз.

Тяжелы небеса дождевые,
 Ветер в поле травинки кружит...
 Дышим, чувствуем – значит, живые.
 Дай нам Бог полюбить эту жизнь!

Стою

На виражах, на рубежах,
На одиночестве падений,
На полуслове, на ножах,
На полутоне, полутени,

На островке, на волоске,
На невозможности покоя,
На полустанке, налегке,
На ожиданье бестолковом,

На колеях, на расстанях,
На крике, брошенном в пустыню,
На тонком льду, на полынях,
Твердя единственное имя,

Стою. Стою. И как идти?
Ведь с каждым шагом взгляд твой строже.
Но коль даешь ты мне пути,
То дай и сил пройти их, боже.

Притворилась

Не разбилась. Упала, но поднялась.
С тяжелых ресниц паутину сна
Смахнула. Что выжила, прижилась –
Притворилась. Не сгорбившись, унесла
Чужие взгляды на острых плечах,
На безымянном – след от кольца.
Срываясь, на всех перекрестках кричат,
Назначив награду за беглеца.
А ей все равно, что по краю вниз.
Притворилась, что дышит, что может спать.
Как будто это чужая жизнь,
И ей не страшно не умирать.

Выживу

Выживу – я смогу
Выстоять.
Криками в пустоту –
Выстрелом
Жизнь свою отпустил.
Склонятся,
Землю зажав в горсти.
Вспомнится:
Всё, что у нас с тобой –
Брошено.
Словно зубная боль,
Прошлое –
Тянет, не отстает,
Бесится.
Твой подытожен счет:
Лестница
В небо – и не вернуть...
Как ты там?
Только глазком взглянуть,
По следам
Рано еще спешить.
Рыжая
Девочка будет жить –
Выживу.
Будет любовь для всего
Мерою.
Верю в добро и в Него
Верую.

*В. Калинин. Пластина «БУКЕТ»,
Папье-маше, масло, лак, D 25 см-*

ПУБЛИЦИСТИКА – ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

*Петр Дубенко
(МОССАЛИТ, Самарская обл.)*

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТАРОМАН И ЕГО МЕСТО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В 1969 году увидел свет третий по счету роман английского писателя Джона Фаулза «Женщина французского лейтенанта». Произведению, которое сразу же вызвало много споров как среди критиков, так и среди простых читателей, со временем суждено было не только snискать всемирную известность, но и открыть новое направление в литературе – историографический метароман.

Причины появления нового жанра

Предпосылки для рождения нового жанра сложились задолго до выхода в свет «Женщины французского лейтенанта». С одной стороны этому способствовало появление и развитие постмодернизма с характерными для него фрагментарностью, интертекстуальностью и травестированием текста – явлений, которые не обошли стороной даже такой на первый взгляд, казалось бы, консервативный вид литературы, как исторический роман. Но главную роль в данном процессе сыграло все же изменение отношения к истории как научной дисциплине, ее «олитературивание», которое совершенно отчетливо наблюдается последние тридцать-сорок лет. По словам С. Онеги, «процесс отделения литературы от истории, начавшийся в XVIII веке, к XXI веку завершил полный круг, и они вновь воссоединились»².

И с этим утверждением трудно не согласиться. Ведь первые известные человечеству «исторические» труды (Геродот, Фукидид, Плутарх, Диодор Сицилийский и т. д.), носили главным образом нарративный характер, то есть являлись в большей степени литературными, а не научными трудами. Только примерно с XVIII века история окончательно оформляется уже как наука и все более отдаляется от литературы с точки зрения изложения материала. Однако во второй половине XX века с распространением постструктуралистских идей начался обратный

² Onega, S. British historiografic metafiction in the 1980-s / S. Onega // Postmodern Studies 7. British postmodern fiction / ed. by T. D'haen and H. Bertens. – Amsterdam-Atlanta, 1993. p. 16.

процесс, благодаря которому теперь уже история воспринимается большинством из нас как просто рассказ о событиях прошлого – рассказ, который ведется с помощью тех же повествовательных средств литературы, и значит, ничем от нее не отличающийся.

Исходя из этого, сложилось отношение к историческому знанию как к чему-то необъективному, чему-то, что имеет множество белых пятен и оставляет большой простор для фантазии. Более того, последнее время ряд американских ученых (Х. Уайт, Д. ла Карпа) все настойчивей продвигает мысль о том, что историк эпохи постмодерна ни в коем случае не должен заботиться поиском истины, а наоборот, должен «выдвигать несколько версий-интерпретаций, давая читателю возможность самому выстроить смысл»³.

Особенности историографического метаромана

Все это в совокупности и привело к появлению нового жанра – историографический метароман. Если попытаться дать ему краткую оценку, то это будет «саморефлективная художественная проза с богатой интертекстуальностью, для которой характерно ироничное отношение к истории и множественность ее интерпретаций, смешение временных слоев и плюрализм мнений, интерес к маргинальным темам и внимание к частным историям, которым нет места в научных трудах»⁴.

Беря начало от классического исторического романа, историографический метароман, естественно, впитал в себя его главные черты, но при этом имеет целый ряд существенных особенностей, которые и позволяют выделять его в отдельный поджанр. Канадский литературовед Линда Хатчен в качестве основных сравнительных критериев приводит следующие отличительные черты метапрозы:

1. Отношение к истории как таковой: классический исторический роман исходит из того, что история целостна, прошлая реальность поддается описанию, знание о прошлом достижимо. Приверженцы историографической метапрозы «иронически подчеркивают вымышленность своих произведений, аргументируя это тем, что художественное произведение на историческую правду претендовать не может, и литература превращает любой факт в вымысел»⁵. Говоря проще, авторы традиционного направления описывают прошлое, а не переписывают его, как это делают представители историографического метаромана, где всегда присутствует и занимает важное место оппозиция «художественный вымысел – история».

2. Вовлеченность персонажей в исторический контекст: в классическом историческом романе эволюция отношений между персонажами и трансформация их личностей происходит на фоне и под воздействием крупных исторических событий, в которых персонажи обязательно принимают самое непосредственное участие. Что же касается историографической метапрозы, то здесь глобальные исторические события не имеют особого значения, исследуются частные истории отдельных людей, а исторические факты, рассказ об эпохе хоть и включены в роман, но редко составляют значимую часть повествования. Главную роль здесь играет сама эпоха и вопросы

³ Райнеке (Виноградова), Ю. С. Исторический роман постмодернизма (Австрия, Великобритания, Германия, Россия) / Ю. С. Виноградова. – М., 2002. стр. 50.

⁴ Hutcheon, L. A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction / L. Hutcheon. – New York: Routledge, 1988. стр. 113.

⁵ Райнеке (Виноградова), Ю. С. Исторический роман постмодернизма (Австрия, Великобритания, Германия, Россия) / Ю. С. Виноградова. – М., 2002. стр. 54.

мировоззренческого характера. Так, повесть Кристи Вольф «Нет места. Нигде» (1977) повествует о вымышленной встрече Генриха Клейста и Каролины Гюндероде. В данном случае писателю не важно, что такая встреча в действительности не происходила, его задача – исследовать общество и литературу эпохи романтизма.

3. Характер главного героя: протагонист традиционного исторического романа должен быть типичен (универсальные характеры, архетипы классических героев), протагонисты же историографической метапрозы представляют собой исключительно особые личности, обязательно наделенные индивидуальными чертами и не укладывающиеся ни в одну из известных схем.

4. Безусловность и релятивность: финал классического исторического романа зачастую известен читателю заранее, ведь авторы подобных произведений должны бережно относиться к событиям прошлого, а потому просто не могут позволить себе менять их по собственной прихоти. В историографической метапрозе возможно наличие нескольких финалов на выбор читателя и множество интерпретаций одной и той же истории.

Если обратиться все к той же «Женщине французского лейтенанта» как классическому образчику, то по ходу повествования автор сам непрестанно подчеркивает осознанность творческого процесса и играет с читательскими ожиданиями, а в концовке, уже вроде бы рассказав историю Чарльза Смитсона и его возлюбленных (официальной невесты Эрнестины и загадочной Сары), вдруг замечает: «А сейчас, доведя свое повествование до вполне традиционного конца, я должен объясниться с читателем. Дело в том, что все описанное в двух последних главах происходило, но происходило не совсем так, как я это для вас изобразил». И дальше Фаулз приводит второй, а следом и третий вариант финала: традиционный для викторианских романов хеппи-энд и осовремененную концовку.

Российский историографический метароман

В отечественной литературе судьба историографической метапрозы оказалась непростой. Советская критика приняла новое направление в штыки. Произведения, противоречащие принципам соцреализма, вполне ожидаемо обвиняли в буржуазности и попытке превратить серьезный жанр большой литературы, коим является классический исторический роман, в некое подобие бульварного чтива. С началом перестройки, а затем и полной ликвидации цензуры как явления в искусстве, давление на авторов, ищущих новые формы выражения, снизилось. Однако это не сказалось на интересе к историографическому метароману со стороны писателей – произведений в данном жанре в молодой российской литературе не создавалось. Объяснялось это просто. В тот период жанр успел обрести некоторую популярность, но все же находился в процессе формирования и еще не получил признания. Даже западные критики и литературоведы искоса, с недоверием посматривали на попытки внедрять метапрозу в историческом повествовании. Соответственно, российские авторы тоже не проявляли желания выйти на рискованную стезю первооткрывателей.

Лишь последние 10–15 лет ситуация изменилась, причем стремительно и коренным образом. После публикации «Женщины французского лейтенанта» прошло больше пятидесяти лет, за это время историографический роман не только оформился как полноценный жанр, но еще заслужил любовь читателей и получил признание литературоведов, которые на сегодняшний день сходятся во мнении, что именно историографический метароман является собой будущее исторической прозы. Такие произведения данного жанра, как «Попугай

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Флобера» Джулиана Барнса, «Одержимость» Антонио С. Байет, «Чаттертон» и «Первый свет» Питера Акройда, «Парфюмер» Патрика Зюскинда, «Последний мир» Кристофа Рансмайра снискали всемирную известность, многочисленные переиздания, всевозможные литературные премии и даже экранизации. Поэтому совсем не удивительно, что вслед за европейскими писателями на уже проторенную дорожку поспешили выйти и российские авторы.

Так, отдельные характерные для историографического метаромана элементы просматриваются в произведениях Евгения Водолозкина «Лавр» и «Авиатор», Гузель Яхиной «Дети мои» и Алексея Иванова «Тени тевтонов», а свежее творение Бориса Акунина «Дорога на Китеж» практически полностью скроено по лекалам жанра: такое же пренебрежительное отношение к реальной истории и концентрация на моментах личной истории персонажей вместо внимания к глобальным процессам; довольно вольная трактовка фактов, а местами их абсолютное перевираание. Да, с одной стороны, законы историографической метапрозы подобное позволяют и критиковать отечественных авторов за это было не правильным. Но при этом нужно отметить, что у российских образцов данного жанра имеется одна интересная особенность.

Как уже говорилось, основоположники жанра, при создании своих сюжетов отступая от классической версии истории, не пытаются выдавать свои интерпретации за «святую правду». Более того, в самом тексте они подчеркивают выдуманность всех описанных событий и зачастую даже сами иронизируют по этому поводу, объясняя, оправдывая это тем, что реальной истории, дескать, никто не знает и знать не в состоянии, а стало быть, почему бы не выдумать свою личную, альтернативную историю. Понятное дело, такой подход развязывает писателю руки, открывает необозримый простор для фантазии, которым мэтры историографической метапрозы умело пользуются для достижения поставленных целей. Главное же – они не скрывают, даже не пытаются скрыть того, что в тексте бурная писательская фантазия преобладает над сухим реальным фактом.

Российские же авторы, с радостью приняв условия игры, которые в рамках жанра отменяют необходимость следовать канве реальных событий и тем самым облегчают задачу написания произведений на историческую тему, то ли в самом деле не понимают, то ли делают вид, что не понимают вышеозначенную особенность историографической метапрозы, и свои интерпретации, лично придуманные версии истории преподносят не как один из возможных, альтернативных вариантов, а как единственно существующую правду. Правду, которую всякого рода нехорошие злонамеренные люди по разным причинам долгое время скрывали от читателя и которую они, писатели, смогли узнать путем тщательных исследований секретных материалов и глубоких раздумий над судьбами Родины. Лучшим доказательством того, что российские авторы используют особенности историографического метаромана именно таким образом, служит публикация исторических произведений Акунина в рамках художественного дополнения его же «научной работы» «История государства российского». Учитывая эту особенность, можно ли допустить мысль, что Акунин, как Фаулз, Барнс, Акройд или Зюскинд, иронично и саморазобрачительно относится к своим произведениям и не претендует на то, что транслирует читателю единственно правильную версию истории?

Таким образом, налицо использование одного и того же инструмента с разными намерениями. Классики историографической метапрозы отходят от общепризнанной версии событий лишь для того, чтобы в своих произведениях попытаться рассказать читателю правду о таких аспектах человеческой жизни в ту или иную эпоху, на которые традиционная история как наука обычно не обращает внимания в силу их незначительности, неважности с точки зрения глобальных тектонических процессов. Именно поэтому авторы концентрируются на «малых»

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

историях отдельных личностей и маргинальных явлениях, которым нет места в классическом историческом романе.

Российские же авторы используют возможности, которые им открывают законы историографического романа лишь для того, чтобы на скорую руку ваять псевдоисторические поделки. Ведь последнее десятилетие ознаменовано резко возросшим интересом общественности к вопросам истории. А раз есть спрос, значит, по законам рынка, его нужно удовлетворять. Однако создание классического исторического романа требует значительных усилий и времени, глубокого погружения в тему и ответственного подхода к реконструкции событий прошлого. При таком подходе просто невозможно выдерживать темп, которого от тебя требует издательство – коммерческая структура, созданная для зарабатывания денег на литературе. Вот тут-то на помощь нашим творцам и приходит историографический метароман с его весьма полезными особенностями, которые позволяют вольно обходиться с историческим материалом, а порой и вовсе его игнорировать. Но если основоположники жанра честно признавались читателю в придуманности собственных сюжетов и откровенно говорили, что описывают не историю, а человеческие взаимоотношения в контексте этой самой истории, то российские писатели на голубом глазу и не моргая заявляют, что они правдивы с читателем и в своих произведениях несут ему свет истины.

Таким образом, перспективы историографического метаромана в западной и отечественной литературе видятся совершенно разными. В рамках европейской литературной критики подобные произведения рассматриваются как органичный синтез классической исторической прозы и литературы постмодерна. Считается, что, развиваясь именно в таком качестве, историографический метароман со временем может и должен занять центральное место в исторической прозе вообще. В российских же реалиях историографический метароман превратился в чудодейственное средство, с помощью которого автор может избежать ответственности за написанное и, создавая «исторический роман», творить в стиле «что хочу, то горожу». Одним словом, если европейский историографический метароман претендует на то, чтобы за счет модернизации классической исторической прозы дать толчок развитию жанра в новом качестве, то российский историографический метароман грозит окончательно убить исторический роман как жанр, превратив его в обыкновенное бульварное чтиво.

В Калинин. Шкатулка «ЯБЛОКИ».

Папье-маше, масло, лак, алюминиевая пудра, сусальное золото, бронзовая паста

ПРОЗА

Михаил Ландбург

(Ришон ле Цион, Израиль)

БЛЕДНАЯ ЛЯГУШКА

Глухо зевнув, гостиничный лифт остановился, и они прошли в свой номер.

Женщина сбросила с уставших ног туфли, опустилась на кровать.

«А дальше? – подумал мужчина. – Что дальше?»

Словно прочитав его мысли, женщина проговорила:

– Если не хочешь спать, то можно пойти в гости к господину Лисину.

– К тому журналисту?

– Утром, на пляже, он любезно пригласил нас к себе.

– К журналистам не хожу! – отрезал мужчина. – Ни к журналистам, ни к проституткам.

Женщина опустила глаза, сказала:

– Может, ты голоден? Курица в холодильнике...

– Отличная идея! – заметил мужчина. – Надень-ка свое серо-голубое платье, а затем мы, нежно обнявшись, откроем дверцу холодильника и высвободим озябшую птицу, чтобы не торопясь, но вдохновенно сожрать ее.

– Какая прелесть! – мрачно проговорила женщина.

«А потом? – подумал мужчина. – Что же потом?»

В глазах женщины читалось: «Потом мы снова вернемся в кровать!»

«Вот так каждый раз, – мужчина опустил взгляд на мерцающие плечи женщины, – стараешься полюбить, но что-то непременно мешает: то запахи дешевой гостиницы, то неожиданное касание острого локтя, то слюна, упавшая на грудь, то печальный рассказ из прошлого...»

– Любишь? – спросил он.

– Хочешь, чтобы я сказала «люблю!»?

– Да, пожалуйста!

– Это всего лишь слово, но если ты хочешь...

Мужчина не ответил.

Женщина замолчала.

Они молча лежали в темноте.

– День ушел! – вдруг сказала женщина.

– Наверно.

– Ты не уверен?

– Я сказал «да».

– Ты сказал «наверно».

Женщина потянулась к настольной лампе и включила свет. По потолку расплылось бледное пятно.

– Словно бледная лягушка, – проговорила женщина.

Мужчина смотрел на женщину. Женщина – на пятно.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

«С этой женщиной я расстанусь так же легко, как и с теми, что были со мной до нее», – подумал мужчина и спросил:

– Надеюсь, ты меня не любишь?

– Не знаю.

– Надеюсь, что нет!

– А если – да?

– Не надо!

Женщина закрыла глаза.

Мужчина вдруг подумал о том, что одни любят, а другие любить себя позволяют, и что пятно на потолке вовсе не бледная лягушка, а бесцветная тоска.

СЛЕПОЙ ВЕЧЕР

*Я выхожу из дома не спеша.
Мне некуда и не с кем торопиться.
Когда-то у меня была душа,
Но мы успели с ней наговориться.*

Анатолий Штейгер

Где я?

Я не знал.

Понятия не имел.

Был вечер, и был город, и была луна там, где ей быть положено, а где был я – не знал.

Я стоял и шептал ее имя.

Она не отзывалась.

И тут я понял, что мне конец. А потом догадался, что мне не конец и что я лишь только думаю, что мне конец.

Полил дождь, и я стал наблюдать за тем, как под колесами автобусов гибнут дождевые капли.

«Дядя, вы чужак?» – тронув меня за рукав, спросила девочка в синей куртке.

Я пожал плечами.

Девочка ушла.

И вдруг дождь утих, и я запел песню, знакомую мне со времен детского сада. Потом, когда песня окончилась, я снова поймал себя на мысли, что не знаю, где я.

– Где тут кинотеатр? – спросил я старика с белой бородкой и улыбчивыми глазками. – Мне бы посмотреть кино...

Старик задумался.

– Неприятности? – спросил он.

Мне не хотелось рассказывать о том, что Анна меня больше не любит и что теперь я не знаю, где я.

– У меня что-то с памятью, – сказал я.

– В таком случае тебе не в кино, а поликлиники откроются завтра в восемь, – проговорил старик.

Подошел автобус.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Открыв дверцы, водитель посмотрел на меня. Я отвернулся. Дверцы захлопнулись.

Вдруг я подумал, что если умру от разрыва сердца, то меня никто искать не станет, но, после того как я ощутил холод, исходящий от мокрой штанины, догадался, что когда человек хоть что-то ощущает, то ему еще не конец.

Я решил заглянуть в кафе.

Выпил стакан чая, а еще стакан теплого молока. Не отогрелся. Тогда, войдя в туалет, я снял туфли и носки, промыл в раковине ноги. Мне захотелось снова позвать Анну, но рассудил, что зазывать женщину в туалет неприлично. Вернувшись к своему столику, я старался не думать о том, что не знаю, на каком нахожусь свете.

– Бутылку красного вина, – попросил я.

– Чего-то еще? – спросила официантка.

– Не знаю.

– Не знаешь?

– Я даже не знаю, где я.

За окном повис густой туман.

«Где я?»

Я не знал.

Мне стало страшно от мысли, что, возможно, никогда не узнаю.

И вдруг –

проломив оконное стекло, ко мне потянулась длинная черная рука и стала раскачивать мою голову.

Потом все окружавшее меня исчезло.

Со мной остался лишь страх.

В. Калинин. Визитница «БЕЛАЯ СМОРОДИНА».
Папье-маше, масло, лак

ПРОЗА

Ольга Грушевская

(МОССАЛИТ, Москва)

ГОЛУБЬ И ЛЮДИ

*...И вот от стаи суетливых и замызганных
привычных птиц, живущих тихо и потешно,
над сетью улиц, мелким дождичком обрызганных,
дежурный голубь отделяется поспешно.*

Виктория Измайлова

Уложив детей, молодая женщина вышла на кухню и подошла к окну. Мысли беспорядочно роились у нее в голове, выливаясь в нечто неопределенное, и она чувствовала себя очень усталой. Она посмотрела на окна дома напротив, затем на верхушки деревьев, а потом вниз – во двор, где стояли машины. Переводя взгляд с машины на машину, она внезапно вспомнила, что свою машину оставила за оградой, поскольку торопилась домой, и теперь хорошо было бы спуститься и припарковаться у дома, как положено.

Она вздохнула – на улице стояла осень, было мокро и выбираться из дома совсем не хотелось. Она заглянула в гостиную: там тихо бурчал телевизор, а в кресле мирно дремал муж. Конечно, можно было бы его разбудить и попросить об одолжении, но тогда бы он начал вздыхать, кашлять, нарочито долго одеваться, задавать множество лишних вопросов и намекать на ее неорганизованность.

«Нет, лучше сделать самой», – решила молодая женщина и пошла в холл натягивать куртку и сапоги.

Лифт гулко стукнул дверями, мягко щелкнул замок парадной двери, и молодая женщина оказалась на ночной улице, напротив нее назойливо светилась большая неоновая вывеска: «Клиника зубного искусства».

Молодая женщина застегнула молнию до подбородка, накинула капюшон на длинные светлые волосы и быстрым шагом направилась к воротам ограды. Она ловко открыла большой подвесной замок, распахнула створки ворот, наспех закрепив их металлическими штырями, а затем двинулась к своей машине, плакая на ходу сигнализацией.

Улица была пустынна и сумеречна в неярком свете уличных фонарей.

Подойдя поближе и уже собираясь забраться в машину, женщина обратила внимание на темный округлый предмет на капоте у лобового стекла. Обогнув машину, она пригляделась и обнаружила, что это была птица, а точнее – голубь.

Женщина пожала плечами и неуверенно сказала: «Кыш...»

Голубь не шелохнулся – он смотрел в пустоту.

Женщина нахмурилась и решила, что обратилась к нему слишком тихо и вежливо, а потому сказала чуть громче: «Кыш! Ну-ка, кыш, кому говорю!»

Голубь моргнул одним глазом, однако не шелохнулся и на этот раз.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Женщина еще больше нахмурилась. Затем она подняла руку и слегка махнула в сторону птицы: «Иди, говорю тебе, кыш!»

Нет, голубь не шевелился: он только импульсивно дернул головой в сторону женщины и снова застыл.

Возмущенная птичьим пренебрежением, женщина энергично замахала руками и гневно воскликнула: «А ну, лети отсюда, мерзкая птица! Лети, лети!»

Голубь завращал глазами, однако лететь никуда не собирался.

Женщина задумалась, а затем зачем-то покрутила головой.

Оказалось, что крутила головой она не зря – именно в эту минуту мимо нее проходил высокий молодой человек в широких штанах и яркой куртке.

– Зря стараетесь, – проговорил он. – Эта птица уже давно здесь торчит.

Женщина обрадовалась: быть может, хоть кто-нибудь ей поможет согнать бестолковую птицу, а потому она приветливо улыбнулась и поспешила спросить:

– А вы случайно не знаете, почему она здесь торчит?

– Она здесь торчит, потому что сидит, – через плечо бросил парень, не останавливаясь

– А вы что... тут уже проходили? – прокричала женщина в спину прохожего, все еще надеясь на его участие.

– Был, – прозвучал удаляющийся голос. – Мимо шел. Час назад. Иду обратно...

Парень скрылся из виду, и женщина вновь осталась одна.

Она тяжело вздохнула и вновь посмотрела на голубя.

«Может быть, он греется, – подумала она уже с некоторой жалостью, – как это делают уличные кошки».

Эта мысль заставила ее поежиться: она замерзла и хотела домой, к тому же начал накрапывать дождь. Она посмотрела на часы – было начало первого. Женщина не выдержала, быстро забралась в машину и со словами «Ну, ты у меня погреешься!» завела мотор.

Машина тихо заурчала, однако шум мотора несколько не испугал птицу: голубь по-прежнему сидел на капоте как ни в чем не бывало.

Отчаявшись, молодая женщина чертыхнулась и гордо въехала в ворота с голубем на капоте.

Припарковав машину и заперев ворота, женщина готова была уже нырнуть в теплую парадную и забыть про упрямого голубя – да путь себе сидит хоть всю ночь! – как вдруг ощутила, что в ней просыпается непреодолимое желание довести дело до конца.

Молодая женщина была необыкновенно целеустремленной и всегда добивалась намеченных целей, поэтому она подобрала во дворе под деревьями длинную палку и уже с ее помощью постаралась спихнуть птицу с капота.

Нет, тот не улетал, и уже после нескольких бесплодных попыток, женщина внезапно поняла, что причина тому значительно проще и трагичнее: скорее всего, у бедной птицы застряли ноги в решетке. Как же она раньше не догадалась! Бедная, бедная птица! Ее следовало поскорее вытащить и оказать первую помощь, но взять птицу руками молодая женщина не решалась, поэтому ничего не оставалось делать, как все-таки обратиться к кому-то за помощью.

Позвать на помощь в этот час можно было только одного человека – маму. Та, к счастью, с недавних пор жила в том же доме, а точнее в том же подъезде и даже на том же этаже, что и молодая женщина – дверь напротив. Для многих, правда, такая близость могла бы показаться роковой, только не для нашей женщины. Она была активным современным человеком – деловым и общительным, и мама ей была просто необходима, ведь дома было двое детей.

Мама молодой женщины, надо отметить, была женщиной еще более энергичной, имела правильное воспитание, а потому всегда и сразу же откликнулась на зов слабых и больных. Притом она была совой – ложилась спать поздно, любила делать все по ночам, поэтому она мгновенно откликнулась на зов дочери по мобильному телефону, спустилась с кухонным полотенцем в руках и высвободила, наконец, запутавшегося голубя. Это была победа!

– Победа! – воскликнула молодая женщина и захлопала в ладоши. – Здорово!

– Какие же вы все безрукие, – покачала головой мама, чуть морща нос и отстраняясь от птицы, – даже такому маленькому существу помочь не можете. Что уж о себе говорить.

Вот так голубь обрел себе уютное гнездо в картонной коробке в маминой квартире.

Через несколько дней молодая женщина спросила свою маму:

– А как поживает у тебя наш голубь?

– Да, по-моему, хорошо, – ответила ее мама, наклоняясь к коробке и заглядывая внутрь. – По-моему, просто замечательно. Хотя если он начнет летать, мне придется делать ремонт!

Дети молодой женщины были рады появлению в городской квартире представителя живой природы. Они бегали из квартиры в квартиру, хлопали дверями, носили крупу и воду – в общем, полностью погрузились в процесс ухаживания. Кроме того, оказалось, что у голубя еще и крыло было сломано.

Голубя принялись лечить всей семьей. Впрочем, все лечили по-разному, скорее по наитию, чем по науке, а точнее – кто, как умел и когда было свободное время. Каждый считал своим долгом подойти к коробке и с тревогой заглянуть внутрь – не умер ли пострадавший, но, обнаруживая у птицы признаки жизни, успокаивался и удовлетворенно возвращался к своим делам.

Однако строгая соседка по лестничной площадке, ветеринар по профессии, оказавшаяся невольным свидетелем шумной заботы большого семейства, обеспокоенно заметила:

– Друзья мои, положение тревожное! – Она не шутила и даже не улыбалась. – Городские голуби болеют орнитозом, – сообщила соседка молодой женщине, ее мужу, их детям, а также маме молодой женщины. – А это не шутки. Это приводит к легочным заболеваниям и прочим неприятностям!

– Какой ужас! – воскликнула мама молодой женщины. – Мы примем надлежащие меры!

– Да, но детишки уже начали ухаживать за птичкой, – попыталась возразить молодая женщина, – мы же не можем выбросить раненную птицу на улицу – там ее съедят кошки.

– Конечно! – согласилась мама. – Причем тут же!

– К тому же это было бы очень жестоко, да и непедagogично, – добавила молодая женщина.

– Да птица никому не мешает! – вставила мама. – Живет себе и живет.

– Тем более птица сама нас выбрала, – многозначительно сказала молодая женщина. – Это – знак!

– Магический, – робко подсказал муж и достал сигареты. – А как же орнитоз?

– Не знаю, – неуверенно пожала плечами мама, – орнитоз – дело серьезное, это не шутки шутить!

– Да... – задумчиво согласилась молодая женщина: слово «орнитоз» было для нее чем-то крайне неопределенным и слишком научным. Никто из ее знакомых орнитозом не болел.

– Нечего думать, – категорически замотала головой соседка-ветеринар, – дети пусть только смотрят, и, желательно, из другой квартиры. Ну а вы, – тут она вновь строго посмотрела

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

на молодую женщину и ее мать, – конечно, можете ухаживать, но только в одноразовых перчатках!

Женщины переглянулись: слова соседки-ветеринара почему-то казались им очевидным преувеличением, поскольку в этом случае забота о птице могла оказаться слишком уж хлопотной: одно дело быстро прийти на помощь и принять необходимые меры по спасению слабых и немощных, совсем другое – превращать заботу в часть своей жизни. Однако вслух они ничего не сказали, хотя и посмотрели украдкой на руки стоящего рядом с ними мужчины, мужа молодой женщины: интересно, а есть ли одноразовые перчатки такого большого размера?

Шло время, и однажды наступила суббота.

Вся семья: молодая женщина, ее муж, их дети, а также мама молодой женщины – собралась на дачу. Работы намечался непочатый край: сгрести лист, закрыть на зиму окна, дать распоряжения садовнику – и множество и других дел, о которых знал только каждый из них в отдельности. По этим причинам они уезжали не на один или два дня, а почти на неделю, да и возможность была: у детей начались каникулы.

Суббота с утра была суматошной и нервной, а потому, чтобы муж не задавал уточняющих вопросов «когда?» и «зачем?», он был вежливо отправлен вниз первым с большой поклажей – утрамбовывать вещи в багажник.

Вслед за ним появились дети: семилетний задумчивый мальчик и веселая светловолосая девочка лет шести.

Женская половина, молодая женщина со своей мамой, обещала появиться совсем скоро – через полчаса.

Мальчик вышел на улицу с машинкой с дистанционным управлением, девочке же была доверена особая миссия – ей выдали сумку на молнии, в которой мамиными *гринписовскими* руками был заботливо упакован в газетные подстилки больной голубь.

Девочка была резвой и жизнерадостной. Она выскочила из подъезда на осеннюю улицу, весело размахивая спортивной сумкой с голубем, очевидно, неосознанно создавая ему иллюзию полета.

Шло время. Муж семейства курил и нетерпеливо поглядывал на часы. Игрушечная машинка сиротливо стояла в стороне, а дети собирали охапки влажных желтых листьев и подбрасывали в воздух. Листья падали медленно и пахли дождем. Дети закидывали головы назад и сквозь падающие листья пытались увидеть в небе самолет. Так они играли долго.

Молодая женщина и ее мама через полчаса не появились – дел по дому было слишком много, и все они были не очень простыми, поэтому вышли они лишь через два часа, навьюченные дополнительными сумками и кулечками, взбудораженные и раздраженные. Сумки и кулечки сложили к другим вещам, забив до отказа багажный отсек большого мужниного внедорожника.

К этому времени дети, уже уставшие от ожидания, грустно сидели в машине вместе с не менее грустным папой.

Наконец машина тронулась и все семейство отправилось в путь.

Путь предстоял недолгий – всего час езды, если без пробок. Однако за этот незначительный промежуток времени произошли значительные события.

В дороге молодая женщина принялась энергично и требовательно что-то обсуждать со своим немногословным мужем. Ох как ее раздражали его вечно невнятные ответы и

неопределенные противоречивые объяснения. Ах как она любила, когда он с ней соглашался и не возражал – ведь и доводы у него всегда были какие-то несерьезные.

«Нет, – думала молодая светловолосая женщина, – нет, он так говорит просто мне назло, с ним так сложно!»

«Нет, – думала мама молодой женщины, внимательно наблюдавшая за ними с заднего сиденья, – нет, не договорятся! Лучше б меня спросили, ведь все так просто!»

Однако мысли ее вскоре были прерваны другими мыслями, более тревожными, и она озабоченно стала оглядывать вещи, до потолка громоздящиеся за спиной.

Наконец, она громко спросила:

– А где сумка?

Молодые люди примолкли и вопросительно оглянулись назад.

Мама повторила:

– Где сумка? Сумка с птицей?

Не медля ни секунды, а точнее в тот же момент, улыбающаяся маленькая девочка ловко извлекла необходимую сумку откуда-то из-под горы разноцветных вещей, словно и не расставалась с ней все время своего гуляния, и дернула за молнию.

Любопытная бабушка и не менее любопытные внуки и молодая женщина заглянули внутрь.

В ту же минуту в машине раздался громкий сдавленный вздох мамы молодой женщины, похожий на урчание водопада. Дети тягостно притихли.

На дне сумки лежал голубь – на боку, с перекошенными и растрепанными крыльями и ободраным хвостом, со свернутой головой – клювом к спине – и недоуменно вращал глазами.

– Это он что делает? – спросил задумчивый мальчик.

– Он ничего не делает, – прошептала притихшая веселая девочка. – Он хотел взлететь.

Мальчик снисходительно взглянул на свою сестру:

– Ты что, не видишь? Он не мог взлететь! Сумка ж закрыта.

– Ну и что, – упрямо сказала девочка, – а он все равно хотел. Хотеть же можно!

Мальчик прищурился и резко толкнул сестру в плечо, а затем быстро опустил руки в сумку и сделал попытку поставить голову птицы на место, причем сделать это без одноразовых перчаток

– Не трогай голову! – вскрикнула девочка. – Может, ему так удобно.

Однако у их бабушки были другие предположения, впрочем, как и у их мамы, а потому обе гневно перевели взгляд на мужа семейства.

Тот, не снимая рук с руля, повернулся и тоже заглянул внутрь сумки. Увидев перекошенного голубя, он пожал плечами. А что тут скажешь? Ни-че-го! Можно лишь предположить, что в момент затянувшегося ожидания мамы и бабушки маленькая резвая девочка устала размахивать своей сумкой с ценным грузом и передала ее папе, не сообщив о ее содержимом, а тот спокойно закинул сумку в общую кучу вещей и чемоданов. Так просто.

Муж отвернулся и еще раз растерянно пожал плечами. Но этого было не достаточно: общество ждало от него вразумительного и аргументированного объяснения. Девочка также с напряженным интересом смотрела на папу.

Но папа молчал, и молчал сосредоточенно, лихорадочно проигрывая разные варианты своих ответов и их последствий.

Через некоторое время, если не сказать уже через минуту, в машине стало душно и шумно, как в прениях на старомодном комсомольском собрании. Выступали все или почти все: маленький мальчик иногда смотрел в окно и разглядывал проезжающие машины.

В общем гвалте никто никого не слышал, да и не слушал, при этом каждый упорно пытался перекричать другого и донести свою мысль до окружающих, звучали требования и восклицания различного характера.

– Голубя жалко, надо его полечить... – угрюмо твердила маленькая девочка.

– Дайте голубя мне, пока он живой, я ему голову вправлю, – требовал мальчик, периодически отвлекаясь от проезжающих машин.

– А я тут при чем! Я даже не помню этой сумки! Я вообще не знал, что в ней! – восклицал муж семейства.

– Ветеринара! Нужна консультация ветеринара! Или домашнего доктора! По страховке! – безапелляционно требовала молодая женщина и, выглядывая из окна мужниного автомобиля, кричала: – Здесь где-нибудь есть клиника?

А мама молодой женщины многозначительного качала головой и в паузах обречено шептала:

– Я так и думала! Я знала! Я знала, что этим кончится, – а иногда и другое: – Даже птицу не пожалел!

При каждой новой реплике муж семейства спазматически вздрагивал. В надежде хоть как-то загладить допущенный промах, он при каждом удобном случае слегка поворачивался назад и правой рукой пытался оказывать первую мануальную помощь пострадавшему голубю, в то время как левой рукой все-таки старался управлять машиной.

– Что уж теперь, – возмущенно приговаривала молодая женщина, роясь в своей модной сумочке и рассматривая записки со старыми телефонами. – Загубил такую птицу!

Машина неожиданно резко подскочила на дорожной яме, и все пассажиры невольно ахнули.

– Вот-вот! – тут же воскликнула молодая женщина, гневно бросив взгляд на своего мужа. – А теперь еще и мы из-за тебя в аварию попадем! Ничего не исправишь! Поздно! Хотя бы машину веди по-человечески! Не один ведь едешь!

Мама молодой женщины без остановки горестно качала головой, а потом, наклонившись к уху молодой женщины, шепотом высказала ей свою версию:

– Я уверена, он это сделал неслучайно, вон у него какие ручищи, человека убьет – не заметит, а тут птица хрупкая, свернул голову – и вот тебе и забот меньше. Орнитоza испугался. Трус. Эх, детей бы пожалел.

Молодая женщина, правда, тут же поставила ее версию под сомнение, поскольку имела свою.

– Вряд ли, – тихо отозвалась она, желая хоть как-то обелить супруга. – Судя по тому, как он оправдывается, он или забыл, что в сумке птица, или просто не знал. – Тут молодая женщина повернулась и с укором посмотрела на маленькую девочку. – Скажи, дорогая, а ты папе говорила, что в сумке упакован голубь?

Девочка хотела что-то ответить, но молодая женщина ее уже не слушала, а, повернувшись к мужу, продолжила категоричным тоном:

– Но все это тебя не оправдывает! А кстати, ты связался с ветеринаром?

– Связался! – с готовностью отрапортовал муж в надежде, что это сможет его спасти. – Реанимационная служба уже вышла нам навстречу!

– На какую встречу? – не поняла мама молодой женщины и посмотрела на светловолосый затылок дочери.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

– Не знаю, не знаю, – саркастически бросила молодая женщина. – У моего мужа вечно какие-то встречи. То с одним, то с другим. Вот теперь реанимацию какую-то придумал!

– Так ты ж сама просила! – воскликнул муж и растерянно заморгал глазами.

– Я просила?! Ну это уж слишком! В доме птица больна, а ты еще чужим людям какие-то встречи назначаешь!

Ответа не последовало.

Постепенно горячая дискуссия стала принимать вялотекущий характер, внимание пассажиров стали привлекать мелькающие за окном машины, дома, люди, и особенно магазины, а потом и совсем стихла. Все успокоились и занялись своими делами: маленькая девочка причесывала красным гребешком красотку Барби, задумчивый мальчик, откинувшись на спинку сиденья, сосредоточенно играл в Game Boy, а молодая энергичная женщина звонила подруге и приглашала на дачу на барбекю. Мама же молодой женщины дремала, чуть склонив голову набок.

Рядом на сиденье стояла спортивная сумка с застегнутой молнией.

Муж семейства вел машину и угрюмо смотрел вперед на дорогу, уходящую в дождливое серое небо.

На означенном отрезке пути притихшая компания подобрала еще одну пассажирку – старую подругу мамы молодой женщины. Она была приглашена на дачу в гости.

Подруга умела красноречиво говорить и внимательно слушать, поскольку всю жизнь проработала в школе учительницей немецкого языка. Получив в свое распоряжение хорошего слушателя, мгновенно оживившись, вся компания, вновь принялась обсуждать приключение с голубем.

Бывшая учительница была посвящена в удручающе-печальную историю, от которой кровь стыла в жилах и которая была ей изложена в красках и подробностях, хотя и с некоторыми преувеличениями и аргументированными предположениями. Рассказчики при этом яростно потрясали спортивной сумкой в качестве доказательства и пренебрежительно тыкали пальцами в нерадивого виновника случившегося, который по-прежнему упрямо пожимал плечами, все отрицал и с неугасимой энергией объяснял ситуацию своими словами.

На даче голубь прожил в парнике еще два дня – без консультации ветеринара и без консультации домашнего доктора.

Да и до консультаций ли было? Забот и без этого хватало: надо было сгрести лист, закрыть на зиму окна, проверить котлы, дать распоряжения садовнику... Было множество разных важных дел...

За голубем ухаживали дети и бывшая учительница.

Потом голубь умер.

А через неделю большая семья вернулась в город. Осень полноправной хозяйкой вступала в свои права, и оставаться за городом уже не было никакого смысла.

ПРОЗА*Наталья Букан**(Санкт-Петербург)***ВСЕМУ СВОЕ ВРЕМЯ**

Город сиял. Яркие беседки, световые декорации, пестрые арки, звезды... И елки! Еще прошлым вечером Елизавета шла с работы по будничным улицам, нынче же вокруг нее блистал роскошный сказочный мир. «Ну и зачем так рано? К Новому году все это успеет примелькаться...» – ворчала Лиза по причине плохого настроения. В очередной раз не сбылись ее надежды, в новом году повышения в должности опять не предвиделось. Диплом художника по костюмам для театра и кино, похоже, здесь в расчет не принимался. Скучное ежедневное шитье по чужим лекалам, пусть и в престижном московском ателье, надоело до оскомины. Для того ли она училась? Риторический вопрос переставал быть риторическим.

Темой ее дипломного проекта в театральном училище было создание вечернего платья для героини известного фильма «Ночь в Париже». В свете своего видения предложенного образа. Выпускная комиссия высоко оценила работу за «полет творческой фантазии и мастерство воплощения»! Лиза надеялась на такую же свободу творчества и в дальнейшем.

Но заниматься собственными замыслами пока удавалось лишь на досуге. Замыслы теснились в голове, рвались наружу и выстреливали, как семена из созревшего плода. На свет появлялись акварельные рисунки или рождалось что-нибудь особенное для подруг. Это бывали пышные юбки в стиле а la rus в ее эксклюзивном исполнении, лаконичное платье со сплошь вышитым стеклярусом воротничком или... Ее руки умели многое.

В детстве, когда Лиза рисовала и шила куклам наряды, бабушка восхищенно всплескивала руками: «Как есть живехонькие! Того гляди соскочат и пустятся в пляс. Боженька твоими ручками водит, внученька, как у отца твоего, царство небесное». Бабушка крестилась в угол, на иконки, и краем платка вытирала глаза.

Отец, любимый папка, трагически погиб во время ледохода, когда Лизе было восемь лет. Его работы берегли как зеницу ока. Лиза их рассматривала, срисовывала. Особенно западали в душу рисунки с животными. Совсем как живые смотрели на нее с листа глаза их песика Феди. Она хорошо помнила, как долго его выхаживали после печально завершившегося прыжка с большой высоты. В первую ночь после операции Федя пришел именно к ней. Положил голову на кровать и потихоньку, шепотом скулил. Она гладила его, уговаривала. Поврежденная лапа сначала волочилась как неживая. Чтобы собачья пясть как можно раньше начала привыкать к правильному положению, отец сшил Феде специальный кожаный башмачок. Он по сей день хранится дома как талисман. И с тех пор у них всегда живут собаки.

Ей хотелось быть во всем похожей на отца. «Во всем и похожа. Ты же сама видишь. И улыбка, что солнышко, папина, и глаза голубые, как у него, – радовала Лизу мама. – Даже привычку щуриться от папы взяла. Только от этого у девочек морщинки бывают», – она целовала дочку и вздыхала.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

В одиннадцать лет у Лизы появился отчим, и они переехали к нему, в Москву. Отношения были хорошими, но родным он не стал. Это не мешало близости с мамой, их путешествиям вдвоем, разговорам по душам. Мама умела ненавязчиво, играючи разложить все по полочкам, расставить верные акценты. «Всему свое время!» – уверяла дочку...

А пока интересные и важные события происходили не у Лизы – у подруг. У нее же – мимолетные, безответные влюбленности и отсутствие интереса к тем, кто влюблялся в нее. Взаимной любви к двадцати пяти годам так и не случилось.

И в нынешний Новый год не предвиделось ни разнообразия, ни тем более чудес. Как повелось, в компании давнишних друзей все будут парами, кроме нее и Тёмы... Как-то так сложилось, что бывший одноклассник еще с восьмого класса стал запросто, по-соседски вхож в ее родительский дом. Если заставал Лизу за неотложным занятием, то в ожидании коротал время здесь же, читая или наблюдая за маминым пасьянсом... И в дальнейшем он всегда был на расстоянии вытянутой руки...

Поводом задуматься послужили недавно услышанные слова: «Ценить, девушки, надо не тех, кого мы любим, а тех, кто любит нас». Что значит – ценить? И как быть тогда с ценностью собственных чувств? Лиза думала о Тёме. К его молчаливой преданности она, чего греха таить, настолько привыкла, что принимала ее как само собой разумеющуюся. Но и тяготилась... Девчонки пеняли, мол, ни себе, ни людям, ни приближаешь, ни отпускаешь. Мол, как собака на сене ты, Елизавета... Тёмины несмелые попытки объясниться она обычно обращала в шутку, переводила разговор на другую тему, делала все, чтобы ей не пришлось обидеть его впрямую. Старалась не создавать неловкости в их дружеских отношениях...

Мысль о деревне пришла внезапно. И не отставала. Елизавета терялась в сомнениях, не была уверена, что Новый год в деревне – это то, чего ей хотелось бы. Однако внутренний голос настаивал!

Вечером тридцатого декабря она сошла с поезда в большом районном центре. До деревни было километров тридцать. Машина мчалась по ровному пустынному шоссе. Широкое звездное небо с яркой луной простиралось над миром! Летящий навстречу заснеженный лес казался Лизе бесконечным. Сомнения испарились, как утренняя дымка на лугу, осталось лишь ничем не замутненное ощущение свободы!

– Дороги у нас – любо-дорого, – начал разговор пожилой таксист. – Раньше по дождю так развезет – ни проехать, ни пройти, а народу в любой деревне было, что шишек у доброй ели. Ныне дороги на загляденье, а дома, куда ни глянь, пустые, как Мамай прошел. Вот хоть этот взять, зимой и летом – всё такой.

Фары осветили темный деревенский дом с заколоченными окнами. По северному обычаю они располагались высоко над землей, и дом выглядел, как слепой с повязкой на глазах. Лиза знала его другим. Отец брал ее с собой, когда ездил сюда на Медовый Спас за свежим медом из хозяйских ульев...

– А вон отворотка к избе Бродского, проживал он тут у нас, в ссылке. Экскурсии теперь возим. А народу в деревне осталось не больше, чем воды в пересохшем колодце...

– Знаю, мы с мамой были там. Я ведь, можно сказать, местная, мама отсюда, и я часто жила у бабушки с дедушкой.

– К ним едете?

– Их нет уже, и дом продали. Еду к крестной, тете Полине. Мамина подруга.

– Давно не бывали?

– Пять лет. Как не стало бабушки. Тетя Поля к нам приезжала.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

– А нынче что, на Новый год? – водитель с удовольствием посматривал на приветливую пассажирку.

– Да, на Новый год. Только вот не предупредила их.

– Смелая. А как не застанешь?

– Думаю, застану. Дело в том, что к ним никак не позвонить. Ни домашнего телефона, ни мобильной связи. Они иногда звонят с уличного «переговорного пункта», – Лиза засмеялась, – то есть где сеть поймать удастся, есть у них один такой перекресток, и то далеко не всегда получается. Представляете?

– Видал такое в деревнях. Слышно, там у вас тоже вышку вскорости поставят хотя бы. Тогда уж наговоритесь... А ты, девушка, вот что, забей-ка мой номерок к себе, Василь Ивановичем меня зовут. Может, получится позвонить мне, так я аккурат к поезду и отвезу. Надолго сюда?

– Спасибо, Василий Иванович! Билет у меня на третье число...

Дом тети Поли и дяди Гены стоял в самом начале, на некотором расстоянии от общего ряда, как будто у него не хватило духу добрести до деревеньки. Небольшая, она довеском прилепилась к крупной соседней деревне. Раньше их объединял справный леспромхоз, со сплавом леса, с обработкой древесины. Производство давно ликвидировали, но обе деревни были живы.

На последнем повороте сердце Лизы екнуло: у тети Поли не светило ни одно окно. Отпустив Василия Ивановича, она озадаченно вошла во двор. Подергала дверь – заперта, проверила ключ под крыльцом – висит! Время не позднее, седьмой час... Лиза в растерянности медленно обошла вокруг дома и, вернувшись, обнаружила у крыльца ближайшую соседку, Надежду Ивановну. С малых лет знала ее, часто видела у бабушки.

– Лизавета! Ты ли?! Шибко баская ты стала, моя девонька! – Надежда поворачивала Лизу из стороны в сторону. – Поля-то не сказывала, что приедешь.

– Теть Надь, так не сообщала я, собралась экспромтом. В общем, неожиданно. А к кому они ушли, не знаете?

– Не ушли, а уехали! В соседний район, на свадьбу племянницы Гениной. Долго ждали этой свадьбы, так радехоньки...

– Ну надо же! Как я не вовремя собралась!

– Да пошто не вовремя-то? Первого вечером придут обратно. Новый год встречать к нам пойдешь без разговоров!

Тетя Надя рассказала, как Полина с мужем долго сомневались, ехать ли. Новый год все-таки, коза на сносях...

– К ней, голубушке, я и пришла, посмотреть обещала. Эвон чайник горячий несу. Вишь, нельзя ей студеную воду-то. Они переживают там, поди. На меня надеются, а все одно – забота. Ну, пойдем давай!

Путь к козе вел через сени, а дверь в стайку с улицы была плотно закрыта для сохранности тепла.

– Я корма, сколь надо, с повети-то спущу, а завтра, Лизавета, мож, ты посмотришь? Она смиренная, не бодливая, не бойся. Чуть что, сразу ко мне. Сумеешь?

– Конечно, тетя Надя, не волнуйтесь! Раз уж я здесь, зачем вам приходиться? А вы не знаете, Зоя Куракина не приехала на Новый год?

– Приехала, с женихом. Германом зовут.

– Ой, Зойка здесь! Спасибо! Побегу к ней сегодня же!

Надежда Ивановна тяжело доковыляла до калитки и оттуда помахала:

– Лизавета! Сперва протопи! И к нам забегай, сказывайся!

Какое там – протопи! Не прошло и получаса, как она уже стучалась в дверь подруги детства.

– Лизка! Какими судьбами? – Лиза моментально оказалась в крепких Зоиных объятиях. – Никто не говорил, что приедешь! Как я рада! Ну, давай, давай, покажись! – Она отстранила от себя Лизу. – Ну молодчина! Пальто клёвое! Сама шила? Как я рада! Новый год вместе встретим! Наговоримся...

Им было что вспомнить! Детские игры, зимние посиделки, святочные гадания... А летние танцы под открытым небом!.. В противоположность Лизе, Зоя была темноглазой и светловолосой. Со временем жизнь у каждой пошла по своей дорожке. Встреча после долгого перерыва именно здесь, в деревне, была счастьем.

– Замуж выхожу, – сообщила Зоя, помогая Лизе раздеваться в прихожей.

– Тетя Надя мне уже сказала. И кто он?

– Идем, идем, познакомлю...

За полночь Елизавета вышла на улицу. Не раз она так же возвращалась, когда еще была жива бабушка... Зоин дом стоял на пригорке, и у Лизы захватило дух при виде зимней панорамы. Дорога полого спускалась вниз и, уходя, нанизывала на себя расположенные с обеих сторон дома. Завораживающие чары лунной ночи были во всеоружии. Таинственный холодный свет заливал спящую деревню. Ниже стоявший дом голубого цвета при этом освещении казался заиндевелым. Посверкивал хрустящий под ногами снежок. Где-то вдали на темно-синем небе зарождалось белое рыхлое облако, оно редело, расплзлось и превращалось в тончайшие серебристые вуальки, сквозь которые сияли яркие звезды. Лиза наслаждалась. Как она могла так долго не бывать здесь?..

В доме крестной ее встретила знакомая, давно не менявшаяся обстановка. На месте были милые Лизе безделушки, которыми когда-то ей разрешали поиграть, зеркало, испокон века висевшее справа от окна... И кот Морфей! Это имя он получил, когда вдруг выяснилось, что кошка Марфа вовсе не кошка, а кот... Хозяйева перед отъездом привели дом в полный порядок. Украсили как полагается. В свете сверкающих на елке огоньков Лиза увидела перекочевавшие сюда бабушкины игрушки. Она потрогала блестящую избушку с сугробом на крыше, розового поросенка в берестяной корзинке... Ностальгию вызвали и бабушкин пузатый заварочный чайник, и плетеная коробка, похожая на сундук, и бабушкин медный бак для воды, который раньше начищали до красного блеска. Здесь он пристроился в сенях, рядом с дверью, ведущей в стайку. Оттуда доносились шуршание, чавканье, хруст. Только сейчас Елизавета вдруг отчетливо, с чувством тревоги осознала, что предновогоднюю ночь ей предстоит провести одной в стоящем на отшибе доме.

И как нарочно, когда она сделала шаг в сторону входной двери, чтобы проверить щеколду, громко звякнули висящие в замочной скважине ключи, словно дверь кто-то дернул. Лиза застыла на месте не в силах двинуться, сердце зачастило как пулемет... Наконец, взяв себя в руки, она включила наружный свет, тихонько прошла на темную застекленную веранду и с опаской глянула на крыльцо. Никого. Хотя сразу и выяснилось, что причина крылась всего лишь в «играющей» половице, покой был окончательно нарушен. Она не гасила свет, опасливо слушала ночные звуки. Пугалась, когда Морфей напрягался, водил ушами и пристально смотрел в дальний угол, как будто видел там кого-то. «Оригинальная ночка предновогодняя», – подумала, когда под утро засыпала укутанная с головой одеялом, плотно подоткнутым со всех сторон. Того, что новогодняя ночь будет еще «оригинальнее», она пока не знала.

Гости к Зое были приглашены к одиннадцати часам. Перед уходом, когда оставалось только переодеться, Лиза зашла навестить козу. Та повернулась к ней всем телом и жалобно

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

заблеяла. Она была явно чем-то обеспокоена. Оглядывалась на хвост, укладывалась и тут же вскакивала, копытцами рыла высокую подстилку... И жаловалась. Весь крестьянский опыт прошлых поколений всплыл в этот миг в Елизавете, она нутром почуяла неладное и сказала, как бабушка: «Ну, ты смотри у меня! Ты чего это удумала, Маня? – У бабушки козы всегда были Маньками. – Ты не козлят мне принести вздумала?» Она в замешательстве рассматривала козу... Только козлят ей и не хватало!.. Зато – разнообразие! Хотела? Хотела, но не такого же!..

В наскоро наброшенном пальто она кинулась за Надеждой Ивановной и во дворе наткнулась на Зою с Германом. Им нужна была дополнительная лавка для гостей. Узнав о поднятой тревоге, Зоя решительно заявила:

– Тетю Надю звать не будем, у нее спину прихватило, а с козой, может, и нет ничего серьезного. У Ковалевых Димка приехал с московским другом, на лыжах кататься. Они, кстати, тоже у нас сегодня будут. Так вот, Макс – ветврач, хирург. Классный, говорят. Надо его попросить, пусть посмотрит.

– Нет, Зоя! Я считаю это неудобным.

– Ну, все! Хватит разводы разводять! Гера, ты забирай лавку, а я побегу за ним. А может, вместе, Лизка? Он, как тебя увидит, сам напросится... Ладно, ладно, побежала...

Макс произвел приятное впечатление. Он оказался обаятельным, в общении простым, в самом лучшем смысле этого слова. Осмотр виновницы переполоха длился недолго, вердикт гласил: коза намеревается-таки в самые ближайшие часы освободиться от бремени!

Елизавета была ошарашена. Зная тетю Полю, она не могла поверить, что та уехала в решающий момент. Значит, такой близкий срок не ожидался! Так что ж ты делаешь, коза-дереза? Зачем?!

Зоя, уходя, наказала непременно прийти к застолью. В любое время! Макс сумел убедить Лизу в том, что Надежду Ивановну беспокоить не стоит. Крепкий, подтянутый, в джинсах и свитере с высоким воротом, он деловито готовился, давал указания. Часть необходимых принадлежностей нашлась на полочке, в стайке. Остальное Лиза принесла из дома.

– Лиза, приготовь еще коробку, утепли, поставь сюда, – Макс указал на южную стену, – и придвинь ближе батарею. Принеси мягкой ветоши, чистой, побольше – вытирать малышей. Насухо! Да, еще фен на всякий случай...

Даже в самой невероятной фантазии не привиделась бы ей такая встреча Нового года! Чем ближе к делу, тем больше она чувствовала вину перед Надеждой Ивановной. Ругала себя. Как решилась самовольно оставить тетю Надю в стороне?! Отдать все в руки человека, которого видит первый раз в жизни? А вдруг что-то пойдет не так?! Ее бил нервный озноб.

И все же, наблюдая за работой Макса, она постепенно приходила в себя. Его несуетные, уверенные движения успокаивали, внушали доверие. А руки с гибкими умелыми пальцами действовали на нее магнетически – не могла оторвать от них глаз... И поймала себя на том, что ей нравится смотреть на Макса.

Первый козленок появился сразу после двенадцати. Поколдовав над ним и дав мамаше вылизать малыша, Макс передал его Лизе. Он задержал ее руку в своей: «С Новым годом, Лиза! – И, внимательно глядя в глаза, произнес с расстановкой: – У нас все идет хо-ро-шо». Успокоил. Значит, заметил, как она нервничала. Благодарность теплой волной разливалась в душе, смывая остатки опасений.

Козлят родилось двое. Каждому не позже чем через полчаса после рождения полагалась ложечка молока. Лиза ловко с этим управлялась – что щенку, что козленку, невелика разница! Она обтирала, тщательно просушивала шерстку, зная, что из-за оставшейся влаги козлята могут заболеть. Беленькие, пушистые, они трогательно неумело поднимались на подламывающиеся ножки, тыкались розовыми мордочками в ласковые руки Лизы. Вскоре Макс приложил обоих к

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Маньке и помог им присосаться. Потом с удовольствием потянулся, всем своим видом выражая полное удовлетворение проделанным. Взъерошил густой ежик русых волос и с заискрившейся в глазах смешинкой протянул Лизе руку:

– Благодарю, коллега! Ваша помощь была бесценна!.. Но! Лиза, мы пока еще должны задержаться. Ненадолго. И потом придется наведываться, пока не сдадим сей пост нашей уважаемой Надежде Ивановне. А послезавтра, если можно, я хотел бы прийти с этюдником, сделать набросок.

– Ты живописью занимаешься?!

– Есть такое. Раньше, правда, было больше. При выборе профессии ветеринар победил художника, вернее дизайнера.

– А я в училище очень любила уроки живописи!

– Потом расскажешь поподробнее?

Потом... В груди всколыхнулась радость, в висающем на стенке зеркальце Лиза увидела свои разругавшиеся щеки, блестящие глаза... Про Макса ей было интересно все. И то, что в этой деревне он впервые, хоть и знал о ней давно, так как его дед наезжал сюда к армейскому другу, пока тот был жив. И то, что работать хирургом начал семь лет назад, сразу после учебы. И то, что живопись по-прежнему занимает в его жизни немалое место...

Шел третий час нового года, когда они смогли отправиться в гости. Не успев дойти до калитки, Лиза спохватилась:

– Ой, подожди минутку, я сейчас!

Она быстро вернулась в дом и вышла оттуда с заранее наполненными бокалами:

– Вот! Мы же совсем забыли! С Новым годом! С новорожденными!

Ей хотелось добавить: «Благодаря которым мы так близко познакомились», но вместо этого она сказала:

– Макс, я так благодарна тебе! Одним словом, спасибо! И извини, что втянули в такое... приключение.

– Признаться, – его серые глаза стали серьезными, – это самое замечательное приключение в моей жизни. – Он подошел к ней вплотную. – Можно поцеловать мою помощницу?

– Можно.

Лиза закрыла глаза. Теплые губы легко коснулись ее щек, и третье прикосновение задержалось на губах... Сердце плюхнулось куда-то и не хотело возвращаться...

Замерла луна, небесный купол выжидал, и, как только Лизины глаза открылись, начался волшебный звездопад...

Дом Зои переливался всеми цветами радуги. Звучала музыка. Компания опять собралась за столом. Появление Лизы и Макса было встречено веселым оживлением. А Димка Ковалев сделал строгое лицо и грозным тоном спросил:

– Почему так долго? А? Максимилиан?!

Лиза споткнулась на ровном месте и поперхнулась вопросом:

– Ма... Мак... Максимилиан?!

Она с изумлением смотрела на Макса, пока не заметила, что точно с таким же чувством к ним спешила Зойка. Лиза быстрым, еле заметным жестом и мимикой остановила ее, поднесла палец к губам: молчок!

– Что случилось? – Макс не понимал, чем вызвано замешательство.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Подруги старались загладить неловкость, мол, просто не ожидали такого необычного имени. Но на самом деле подоплека была иной. Лет в пятнадцать они гадали в Святки на суженых. Бродили с девчонками по деревне и у встреченных мужчин спрашивали имена. В Лизин черед первым встречным оказался некий Максимилиан. Дома хохотали до упаду над редким, как им тогда казалось, именем, придумывали к нему всякие девчоночьи глупости и небылицы...

– Макс, твоего деда, который приезжал в нашу деревню, может быть, тоже зовут Максимилианом?

– Да. И что из этого следует?

– Ничего, просто имя редкое, – Лиза загадочно улыбнулась...

– Ой, лишенько мне! – причитала днем Надежда Ивановна возле благополучного козьего семейства. – Как узнала, сердце захолонуло, как водой студеной обдали! Ведь не должно было этого случиться в Новый-то год, вот ведь своевольница эта козлуха, лешак ее понеси...

– Тетя Надя, должно было случиться! – Лиза радостно обняла соседку. – Должно! Понимаете?

– Должно, не должно, а слава тебе господи, что все ладом... Вы-то, мои золотые, какие умники, как все толково изладили...

– Теть Надь, я пойду, хорошо? А то уже три часа. Макс предложил возвращаться в Москву вместе с ними, в машине. Так что мы сейчас на вокзал едем, билет сдавать.

– Иди, девонька, иди! Поезжай с богом!

– До приезда тети Поли вернемся! – крикнула Елизавета уже на ходу.

В. Калинин. Пластина «ТЮЛЬПАНЫ И ИРИСЫ».
Папье-маше, масло, лак, D 25 см

ПРОЗА

Мария Сидлер

(МОССАЛИТ, Москва)

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Колдунья (сентябрь)

В темной землянке согбенная старуха над котлом склонилась...
Яркий огонь очага странные тени по углам отбрасывает.
То птица крылом взмахнет, то морда зверя высунется...
Старуха на тени внимания не обращает, нос в варево уткнула, что-то тихо-тихо шепчет ...
В отблесках пламени видны волоса ее цвета пожухлой травы, одежды линялые, лицо морщинистое, будто пашня, изборожденное...
Но скрюченные руки двигаются проворно – кидают в котел всякие разности.
Все лето колдунья травы по былиночке собирала.
Там цветок-василек подхватит, тут клевера нарвет...
Желтые подсолнухи ждала, пока солнечного тепла наберутся...
Одуванчики сушила, бабочек ловила – пыльцу с крыльев стряхивала, по скляночкам раскладывала...
Из пшеничных стеблей и ржи снопы вязала, из солнечных лучей пряжу пряла ...
Теперь всё для зелья колдовского пригодилось.
Зерна вытрясла и в котел золотыми крупинками ссыпала, туда же сверкающие нити пряжи опустила... Лепестки цветов, травиночки-былиночки...
Пыльцой разноцветной над паром дунула...
И взметнулось облако пурпурное, окутало землянку темную, затушило огонь колдовской...
Рассеялось, развеялось росой багряной, застыло изморозью радужной...
Подняла колдунья лицо от котла... Ба! Да где ж старуха?
Красавица золотоглазая в упор смотрит, волосы медные по покатым плечам разметаны, губы алые улыбаются...
Рубище льняное в платье пестрое, цыганское, превратилось – каждая юбка рыжими кленовыми листьями обшита, лиф спелыми виноградными лозами увит...
Красавица руки сильные вверх взметнула, голову запрокинула, смехом волшебным засмеялась – точно дождик звонкий по лужам застучал.
Посерьезнела – будто тучка осенняя на лицо нашла, бусы рябиновые надела, веночек пышных астр на голове поправила...
Готова в свои владения Колдунья Осень вступить.
Госпожой гордой из землянки вышла и котел с зельем прихватить не забыла.
Пошла по полям скошенным, по лугам, от летнего зноя уставшим, по городам тусклым...
И повсюду щедрой на дары хозяйкой чары колдовские разбрызгивала...
И оделась природа пестрыми красками осени...

Тоска (октябрь)

Отчего так тоскливо на душе? Отчего так пусто?
 Отчего сердце рвется и мечется в груди, будто в клетке?
 Не оттого ли, что грязные тучи свинцом легли на дома?
 Не оттого ли, что холодный ливень смыл с земли все краски, кроме одной – черной?
 Оголенные скелеты деревьев – мои нервы...
 Морось – мои слезы...
 Ржавчина разъела летнюю радость, чавкает под ногами слякотью и прелыми листьями.
 Все умирает вокруг, все умирает...
 Как тяжело смотреть на угасание дня, на сумрачные, мятущиеся тени за окном...
 Ветер резкими порывами выдувает последние крохи тепла из жилищ...
 Гнет кустарник в парке, заставляя кланяться Ее Величеству Непогоде ...
 Люди на улицах мрачные, закрылись зонтиками, будто масками...
 Точно дохлые мухи меж стекол окна – без эмоций...
 Осень... Что же ты делаешь с нами, осень?
 Как хорошо перелетным птицам! Как хорошо!
 Они могут улететь туда, где по-прежнему светит ласковое солнышко!
 Забыть сырость и ждать новую весну... Но я не птица... Отчего ж?
 Окно распахнуто...
 Ветер рвет занавески...
 Дождь наплакал лужи на подоконник...
 Как долго до весны... Как долго...
 Не дождаться, не дожить...
 Холодно. Дрожу... Я больна... Больна тобой, осень...
 Мокрое лицо... Распахнутая шаль...
 Пестрые ее края – вот мои крылья...
 И я улечу от тебя, осень! Я улечу вслед за летом!
 Птицы! Птицы! Подождите меня....

Парк (октябрь)

Осенний парк таит молчаливую печаль и тихо шепчет сказки...
 Безмолвно тоскует по солнцу, по гомону птиц, по беготне детей...
 Тоскует вместе с облезлыми воробьями, молчаливыми голубями, бездомными собаками...
 Тоскуют и черные скелеты деревьев...
 В мольбе протянули к угрюмому небу свои ветви...
 О чем они молят? Быть может, о лете? О красивых зеленых одеждах?
 О нескольких теплых мгновениях перед долгим холодным забвением?
 Тоскует парковая горбатая скамейка...
 Сиротливо притулилась, бедная, возле застывшего фонтана, полного гнили...
 Тоскует облупленная фонтанная дива ...
 Нищенкой бездомною стоит под ледяными струями дождя...

А омут осеннего пруда непостижимо притягивает редких прохожих...
 Манит черной водой... Околдовывает стальной гладью...
 Страшно заглянуть в его мертвое око,
 страшно дотронуться до обжигающе холодной воды...
 Лишь деловитым уткам все нипочем – собираются в дальнюю дорогу, окаянные.
 Под шум ветра одинокий парк готов бесконечно шуршать осенние сказки...
 О том, как короток день – угасает, не успев осветить прозрачные аллеи...
 О том, как птицы улетели – бросили свое пристанище...
 О том, как люди спешат мимо – какое им дело
 до молчаливой печали осеннего парка...

Березка и Лапник (ноябрь)

Осенним пасмурным днем неторопливо гуляла я по парку.
 Осень стояла уже поздняя и под ногами хлюпала
 размытая земля вперемешку с прелыми листьями.
 Отдельные лужицы покрыты были тонкой слюдяной корочкой –
 верный признак того, что скоро зима взойдет на природный трон.
 Однако видно, что пока еще нынешняя королева
 не до конца навела порядок в своих владениях –
 кое-где с деревьев еще не сорваны последние листья,
 не налилась еще горьковатой сладостью рябина...
 Да и последние утки на пруду еще кучкуются,
 кормясь из подачек гуляющих поодаль людей.
 Проходя мимо малой рожицы деревьев,
 случайно заметила растущие рядышком березку и ель.
 Березка была такая бело-прозрачная,
 так застенчиво пыталась прикрыться голыми ветками,
 а ель вздымалась таким могучим великаном,
 что мне невольно пришло сравнение –
 будто бы стоят поодаль девушка и парень.
 Она жметя к нему, холодея под морозящим дождиком,
 подрастеряв под порывами ветра яркие свои одежды.
 Он же пытается укрыть ее своим зеленым колючим пиджаком.
 Да вот беда – вроде и близко они друг от друга,
 но не может никак лапник дотянуться до березки мохнатыми объятиями,
 потому как с места двинуться им обоим никак нельзя.
 А тут еще ветер пронизывающий налетел...
 И березка отчаянно затрясла руками-веточками,
 будто цыганочку затанцевала, чтобы согреться хоть как-то...
 Но ничего, осталось немного им еще потерпеть – скоро новое платье,
 бело-инеевое, подвенечное, получит березка в дар от матушки природы...
 Тогда и невеста станет под стать жениху – великану вечнозеленому...
 Постояла я еще немного около деревьев, помечтала, улыбаясь мыслям своим,
 да и пошла прочь, пообещав вернуться с первым снегом...

BazArt

Мария Сидлер

(МОССАЛИТ, Москва)

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ МИРЫ АЛЬБРЕХТА ДЮРЕРА

*Гравюры на дереве
из серии «Малые страсти».
Ок. 1508–1509 гг.*

Христос перед Каиафой

Христос перед Пилатом

Лето 2021 года ознаменовалось значимым культурным событием – в Москву из Италии привезли гравюры Дюрера из собрания Пинакотечи Тозио Мартиненго в Брешии.

Признаться, о Дюрере я знала немного. В основном то, что его считают едва ли не вторым Леонардо да Винчи, что это человек, опередивший свое время, талантливый живописец эпохи Ренессанса... И даже видела несколько репродукций его работ. А живую гравюру Дюрера никогда не видела...

Видимо, Вселенная решила закрыть мой гелштат, и одним дождливым днем я наткнулась на информацию, что упомянутая выставка проходит в Историческом музее. «Надо идти!» – решительно подумала я и, подхватив подругу, чтобы было с кем разделить восторг, двинула в нужном направлении.

Исторический музей, спасибо тебе за организацию прекрасной выставки! Сказать, что я в восторге – не сказать ничего.

В Историческом выставались 120 гравюр-подлинников. Это гравюры из серии «Малые страсти», «Апокалипсис», «Гравированные страсти». Кроме того, на выставке впервые были представлены работы Альбрехта Дюрера, хранящиеся в собрании ГИМ.

Мастерские гравюры Дюрера, созданные в технике резцовой гравюры на меди, отличаются исключительным художественным совершенством.

Коллекция печатной графики, привезенная из Пинакотечи Тозио Мартиненго, одна из лучших в мире по качеству отпечатков и их сохранности.

Выставлять гравюры – неблагодарное дело: многие настолько малы, что разглядывать детали, а их много и все они значимые, нужно с мегапиксельным увеличением. Да и теряются черно-белые изображения в массе.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Однако кураторам выставки, кажется, удалось невозможное. Разбитые на циклы гравюры были помещены в разные залы, оформленные в соответствующие циклу тона, украшенные подходящими атрибутами.

Например, цикл «Апокалипсис» выставлен в мрачном зале, с потолка которого в головы посетителей целятся метеориты. В подобной обстановке тематика гравюр воспринимается ярче. У зрителя создается правильное настроение, вовлеченность и понимание смысла представленных в каждом зале работ.

Альберхт Дюрер – уникальный художник, график, способный создать в небольшой гравюре целый мир и оживить его.

Говорить о Дюрере и не использовать слова «первопроходец», «первооткрыватель» совершенно невозможно – во многом он опережал своих современников-художников и зачастую был первым. Сразу пример: Дюрер первым написал автопортрет анфас, до него так изображали только небожителей.

До посещения выставки в ГИМ я никогда не думала, что гравюра может быть такой объемной, иметь четко выраженную перспективу и передавать различные оттенки света, оставаясь черно-белым оттиском.

Общую биографию Дюрера⁶ я пропущу – ее вполне можно найти в Интернете. Но есть пара фактов, требующих упоминания: художник был очень набожным и не очень счастлив в браке, устроенном его отцом по расчету.

Эти детали из жизни многое объясняют в творчестве Дюрера – его потрясающую работоспособность, его склонность к меланхолии, его многочисленные библейские и церковные сюжеты.

Поскольку Дюрер был очень популярен при жизни, то именно он явился первым, кто был вынужден отстаивать авторские права в суде, так как его беспардонно копировал (даже ставил монограмму самого Дюрера) некий Раймондт. И, к слову, суд Альбрехт не выиграл.

Адам и Ева. Гравюра на меди. 1504 г.

Меланхолия. Гравюра на меди. 1514 г.

⁶ Альбрехт Дюрер (1471–1528), Германия.

**Четыре всадника Апокалипсиса.
Гравюра из серии «Апокалипсис». 1498 г.**

Кстати, на выставке можно было увидеть и сравнить оригинальные гравюры Дюрера с копиями, сделанными разными подражателями.

Мастерство Дюрера безусловно. Ювелирная точность каждого штриха, обилие мелких деталей, какая-то волшебная передача светотени.

Когда смотришь на небольшие по размеру гравюры, только и остается, что удивляться, каким образом все это сделано, насколько все проработано и продумано.

Фантазийность Дюрера в сюжетных линиях поражает. Есть много исследований символизма в работах художника, существуют разное видение и разные смысловые интерпретации.

Меня поражает витиеватость и многослойность изображаемых образов.

Сюжет гравюры «Адам и Ева» взят из книги Бытия и описывает вкушение запретного плода первыми людьми. Классический характер фигур навеян впечатлениями от античной скульптуры, которую мастер изучал во время первого итальянского путешествия и работами современных Дюреру итальянских мастеров, в свою очередь находившихся под сильным влиянием искусства Античности.

В гравюре мы видим ряд символических деталей, распознать которые, как считалось, сможет лишь подготовленный, образованный зритель. Это прежде всего изображения четырех животных, символизирующих четыре темперамента, которые делают его предрасположенным к тем или иным смертным грехам.

Кошка на первом плане символизирует холерический темперамент, обладатели которого склонны к гордыне и гневу.

Кролик, изображенный позади кошки, представляет сангвиников, особенно подверженных похоти.

Бык в нижнем правом углу композиции представляет флегматический характер. Флегматики отличаются склонностью к обжорству и унынию.

Лось, изображенный внизу центральной части гравюры, символизирует меланхолический темперамент, который располагает к отчаянию и жадности.

Мышь на переднем плане, кажется, не замечает приготовившуюся напасть на нее кошку – намек на Адама, чье блаженное неведение привело к катастрофическим результатам.

Попугай, сидящий на ветке около головы Адама, является символом мудрости и благожелательности. Он противопоставляется олицетворяющему зло змею, изображенному рядом с Евой. Попугай сидит на ветке Древа жизни, за которую держится Адам. Оно представлено Дюрером в виде дикой рябины, тогда как Древо познания, на котором расположился змей, представлено смоковницей, или фиговым деревом.

Художнику нельзя отказать и в чувстве юмора. Посмотрите на увеличенное фото, видите маленькую овечку, которая стоит на самом острие скалы и смотрит обреченно вниз? А теперь

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

вернитесь на предыдущее фото гравюры, где Ева вот-вот накормит Адама яблоком... Овечка явно знает печальный финал.

Дюрер был не только гениальным художником, но и гениальным маркетологом. Создавая гравюру или цикл, он всегда имел в виду очень конкретную целевую аудиторию. Это позволял жанр: у гравюры, в отличие от живописного полотна, могло не быть заказчика – мастер не был скован требованиями и мог воплотить любую собственную задумку.

Например, уже упомянутый мною цикл «Апокалипсис». Работать над циклом Дюрер начал в 1498 году – за два года до предрекаемого в Европе конца света. Конечно, на этом фоне его работы были весьма востребованны.

Самая известная и часто цитируемая работа из этого цикла – «Четыре всадника Апокалипсиса». Она фактически дословно цитирует библейский текст: в центре композиции четверо всадников, символизирующих бедствия, которые случаются во время конца света.

Дюрер тут выступает не только как иллюстратор-оформитель, но и как художник книги: он создает шрифты, совмещает гравюры и текст, фактически закладывая основы книжного дизайна.

Дюрер, как и многие художники Средневековья, любил зашифровывать свои произведения. Каждая деталь его картин несла смысловую нагрузку, которую с ходу не так просто понять. Докапываясь до скрытого смысла, искусствоведы разбирали эти гравюры по кусочкам, описывали каждый штрих, каждую деталь, изображенные на них. До сих пор гравюры продолжают вызывать интерес и обрастать многочисленными толкованиями. Как иначе? Загадки, скрытые смыслы притягивают, увлекают. Один магический квадрат чего стоит. Дюрер изобразил его в «Меланхолии» над головой ангела. Это сейчас каждый школьник знает, что такое магический квадрат, а тогда Дюрер первым составил квадрат 4 x 4. Гений – по-другому и не скажешь!

Гравюры Дюрера можно рассматривать часами. Не скажу, что это легкий труд – ввиду небольшого размера и насыщенным композициям, они требуют сосредоточенности. Все эти грандиозные библейские сюжеты, тонкие линии и феноменальная работа со светотенью делают его творчество поистине эпичным.

На его работах разворачиваются не просто сюжеты, а целые фантазийные, даже фантастические миры. Это миры Дюрера.

И счастье, что с ними все еще можно соприкоснуться, попытаться их понять и просто ими наслаждаться.

**Жена, облаченная в солнце.
Гравюра из серии «Апокалипсис». 1498 г.**

BazArt

Светлана Сударикова
(МОССАЛИТ, Москва)

РАННЕЕ НИДЕРЛАНДСКОЕ ИСКУССТВО И МИХАЭЛЬ ПАХЕР

Часть 2

Михаэль Пахер жил и творил в период поздней готики. Тем временем на смену Средневековью стремительно шел Ренессанс – величайшая эпоха в истории человечества, эпоха великих открытий, торжества науки, расцвета живописи, скульптуры, литературы. В работах Пахера еще ощущается присущая средневековой живописи манерность, религиозные сюжеты являются основными в его творчестве, но веяние Возрождения уже ощущается. Его живопись не статична – мы видим перспективу вместо привычной плоскостной живописи, фигуры в работах Пахера уже не однообразны и не безлики – они живые.

Безусловно, это новаторское изображение Пахер перенял у нидерландских и итальянских живописцев и скульпторов. Известно, что Пахер посещал Италию и Нидерланды и имел возможность ознакомиться с передовыми приемами в живописи, уже используемыми нидерландцами и итальянцами. Так, фигура святого Бенедикта явно выполнена под влиянием скульптур Донателло, есть даже внешнее сходство, а детализация и скрытый символизм, столь важные в живописи Пахера, свойственны именно нидерландским художникам этого времени.

В предыдущей статье мы рассмотрели знаменитый Алтарь Пахера в Санкт-Вольфганге, созданный тирольским мастером в период с 1471 по 1481 год. Именно в этой работе мы видим и перспективу, и объем, совершенно не свойственные работам его современников, творившим в тот период в Германии и Австрии. Для того чтобы понять, насколько сильно повлияло раннее нидерландское искусство на творчество Михаэля Пахера, что именно позаимствовал Пахер у нидерландцев, познакомимся с творчеством художников этого периода и сравним с работами Пахера.

РАННЯЯ НИДЕРЛАНДСКАЯ ЖИВОПИСЬ

Ранняя нидерландская живопись – один из этапов Северного Возрождения, эпоха в нидерландской живописи, охватывающая в истории европейского искусства приблизительно столетие, начиная со второй четверти XV века вплоть до середины XVI века. Работы художников этого периода значительно отличаются от работ предшественников. Здесь мы видим несвойственный более ранним живописцам реализм в изображении пейзажей, точность и детализацию картин, перспективу, пришедшую на смену плоскостному изображению. Пейзаж

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

не просто прописывается с особой тщательностью, он становится самостоятельной частью живописи. Появляется портретная живопись. Среди крупнейших художников этого периода Кампин, ван Эйк, Рогир ван дер Вейден, Диерик Баутс, Петрус Крестус, Ганс Мемлинг, Ян Провост, Колин де Котер, Хуго ван дер Гус и Иероним Босх. К сожалению, до нас дошло не так много работ ранних нидерландцев. Большинство произведений было уничтожено в период борьбы Реформации, став жертвой иконоборчества. От многих алтарей сохранились лишь детали. Сегодня работы ранних нидерландцев хранятся в самых известных музеях мира.

Когда Пахер посетил Нидерланды, достоверно неизвестно, поэтому нельзя сказать точно, кто именно повлиял на его творчество. Но мы можем предположить это, проведя сравнительный анализ с работами определенных художников. Подобный анализ важен с точки зрения представления о развитии живописи в дальнейшем, поскольку Пахер является своеобразным переходным художником в немецкой живописи, мостом между поздней готикой и ренессансом, подарившим нам таких великих живописцев как Альбрехт Дюрер, Матиас Грюневальд, Ганс Гольбейн Младший, Лукас Кранах Старший и других мастеров.

Ян ван Эйк

Одним из самых ярких и значимых художников в ранней нидерландской живописи был Ян ван Эйк.

Ян ван Эйк родился в городе Маасейк около 1390 года, а умер в Брюгге в 1441 году. Он был мастером портретной живописи, а также писал картины на религиозные сюжеты. Он стал одним из первых подписывать свои работы, усовершенствовал масляные краски, появившиеся совсем незадолго до его рождения, и стал использовать лак, придающий картинам блеск и стойкость.

Михаэль Пахер. Рождение Христа.

Ян ван Эйк. Мадонна в церкви

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Кроме живописи Ян ван Эйк увлекался геометрией, географией и химией, хорошо разбирался в растениях. И даже выполнял дипломатическую миссию.

Нет никакого сомнения, что Пахер видел работы выдающегося мастера и взял на вооружение созданные ван Эйком новаторские приемы. Для сравнительного анализа возьмем известную работу Яна ван Эйка «Мадонна в церкви» и работу Пахера «Рождение Христа».

Картину «Мадонна в церкви» Ян ван Эйк закончил в 1440 году. Многие ученые предполагают, что это левая створка диптиха. Картину относят к позднему периоду творчества ван Эйка. Она написана на доске размером 31 × 14 см масляными красками. В 1847 году в составе коллекции коллекционера Бартхольда Зюрмондта картину приобрела Берлинская картинная галерея, где она до сих пор и хранится. Это одно из выдающихся произведений не только Яна ван Эйка, но и всей мировой живописи.

Итак, перед нами Мадонна с младенцем на руках. Ее лицо спокойно и смиренно. На ней дорогая одежда и дорогая корона, указывающая на то, что это царственная особа. Платье украшено драгоценными камнями, складки на плаще создают объем, драгоценные камни в короне – сапфиры, жемчуга, рубины – прописаны тщательно и тонко. Кажется, Мадонна на минуту остановилась и задумалась. Но художник не останавливается на описании только самой Богородицы, не менее тщательно написан сам готический храм, скульптурные детали, витражи, мягкие солнечные пятна на полу. В глубине храма мы видим людей, они не смеют войти в храм и помешать Мадонне. Каждая деталь имеет значение, во всем есть скрытый смысл. Так, на заднем плане за спиной Мадонны над окном висит распятие. Христос еще младенец, он на руках у матери, но его будущее уже предопределено. К этой детали мы еще вернемся.

А теперь обратимся к Пахеру и его картине «Рождение Христа». Как и ван Эйк, он невероятно точен в деталях: тщательно прописаны балки, под которыми находятся Мария с младенцем, и даже гвозди, скрепляющие детали конструкции; безукоризненно выписаны животные, городская улица, уходящая вдаль. Но перед нами совершенно другая Мадонна. Мы видим простую женщину в обычной одежде. Ее царственность художник подчеркивает нимбом; ангелы, наблюдающие сверху за Марией, также говорят нам о том, что это не простая женщина. В этой Мадонне уже ощущается эпоха Возрождения, когда человек перестает быть просто рабом Божьим; освободившись от церковных догматов, он становится важной частью мира, созидателем и даже творцом. Именно такая Мадонна у Пахера. Она человечна и родила человека.

Возьмем еще одну работу Ван Эйка. На этот раз рассмотрим картину Пахера «Христос и Грешница» и Дрезденский триптих Яна Ван Эйка.

Дрезденский триптих, или Богородица с Младенцем, Архангелом Михаилом и Святой Екатериной, и Алтарь Девы Марии – это небольшой навесной алтарный триптих, состоящий из пяти отдельных панелей – центральной и двух двухсторонних крыльев. Работа подписана, художник сам датировал ее 1437 годом. В настоящее время входит в состав постоянной экспозиции дрезденской Галереи старых мастеров. Левая створка изображает архангела Михаила, облаченного в кольчугу и вооруженного щитом, копьем и мечом. На правой створке – святая Екатерина Александрийская с традиционными атрибутами, «инструментами» ее мученичества: мечом в руке и пыточным колесом у ног. В центральной части триптиха – Дева Мария с младенцем. Перед нами роскошный интерьер готического собора с двумя рядами колонн из яшмы и мрамора, великолепный резной трон, на котором сидит Мария, одеяние Марии роскошно, оно сшито из дорогих тканей. В этой работе все продуманно до мелочей и

Михаэль Пахер. Христос и грешница

Ян ван Эйк. Дрезденский триптих

тщательно прописано. Ничто не упущено художником, детали и целое находятся в органической взаимосвязи: скульптурные элементы на колоннах, витражи на окнах, прекрасный ковер, на котором стоит трон, тщательно прописанное одеяние святых. Перед нами, безусловно, та же царственная особа, что и на картине «Мадонна в церкви». На это указывают все детали.

Теперь обратимся к картине Пахера «Христос и грешница». Здесь так же тщательно прописан интерьер готического собора, а на статус грешницы указывает ее дорогое одеяние и головной убор. Эта женщина явно богатого происхождения. Поза ее смиренна, руки сложены. Она ждет неотвратимости наказания. Однако Христос говорит окружающим: «Кто из вас без греха, пусть первым бросит в нее камень». Точно так же, как и ван Эйк, Пахер использует детали интерьера и одеяние героев, чтобы не просто изобразить библейский сюжет, но и наполнить его жизнью, наделить героев характером. Но и тут Пахер идет дальше. В его работе мы видим движение: вот убегающие люди – они услышали слова Христа и устыдились; вот те, кто спрятался и наблюдает за происходящим. Пахер не просто наполняет картину воздухом, он оживляет ее, воссоздает атмосферу, погружая зрителя в происходящие события. Это не застывавшая плоская картина. Это всего лишь момент, запечатленный художником, кажется, еще мгновение – и мы увидим, как человек на заднем плане пробежит через храм и исчезнет за колоннами, а грешница опустится перед Христом на колени. Эта застывшая кинематографичность Пахера, возможно, вдохновленная ван Эйком и получившая дальнейшее развитие в его собственном видении, особенно впечатляет.

Еще одним художником, чье творчество пересекается с Пахером, является Рогир ван дер Вейден.

Рогир ван дер Вейден

Рогир ван дер Вейден родился примерно в 1400 в Турне и умер в 1464 в Брюсселе. Этот нидерландский живописец наряду с Яном ван Эйком считается одним из основоположников и наиболее влиятельных мастеров ранненидерландской живописи. Он небезосновательно признан мастером психологического портрета, что для его времени уникально. Для Вейдена было важным передать индивидуальность человеческой личности, его особенности. Его картина «Снятие с креста» является вершиной живописи Северного Возрождения, одной из самых сильных по эмоциональному воздействию работ того времени.

Однако для сравнения с Пахером возьмем другую работу мастера, триптих, известный под названием «Алтарь святой Коломбы». Это алтарная панель из дуба, написанная маслом около 1455 года, ныне находящаяся в Старой пинакотеке в Мюнхене. На трех панелях изображен сюжет, связанный с рождением Христа: на левом крыле изображено Благовещение, в центре – Поклонение волхвов после рождения Христа, на правом – Сретение.

Как и Ян ван Эйк и Мемлинг (о нем пойдет речь позже), Вейден огромное значение уделяет деталям, с помощью которых переносит зрителя в библейский сюжет. И здесь нужно немного сказать о символизме, характерном для произведений ранненидерландской живописи. Если для искусства предшествующего периода была характерна менее сложная символика, то в XV веке нидерландские художники стремились создавать реалистичные картины, пронизанные скрытыми символами, а в XVI веке это вылилось в натюрморты ванитас⁷.

Рогир ван дер Вейден. Снятие с креста

⁷ Ванитас (*лат.* *vanitas*, букв. – «суета, тщеславие») – жанр живописи эпохи барокко, аллегорический натюрморт, где каждая деталь имеет свой скрытый смысл и значение. Так, череп напоминает о неизбежности смерти, мыльные пузыри символизируют быстротечность жизни и внезапность смерти, зеркало – символ тщеславия и т. д.

Рогир ван дер Вейден. Алтарь святой Коломбы

Многие повседневные предметы и детали пейзажа, которые мы видим на картинах ранненидерландских художников, помогли донести до зрителя определенное послание.

Немецко-американский искусствовед Эрвин Панофски⁸ в 1930-х годах назвал этот прием «скрытым символизмом». В данном случае термин «скрытые символы» не совсем точен, поскольку художники не ставили целью замаскировать или скрыть от зрителя определенные детали, напротив, цель состояла в том, чтобы зритель распознал символы и через них прочел послание, которое стремился донести художник.

Итак, перед нами «Алтарь святой Коломбы». Мы видим Марию в хлеву. Чуть наклонив голову, Богородица любит сына, лежащим у нее на коленях. Так же, как Дева Мария на картине Михаэля Пахера «Рождение Христа», она одета не в роскошные одеяния, однако и не бедные. Одно плечо укрыто плащом, волосы скрыты под капюшоном. Марию окружают волхвы, которые пришли поклониться рожденному спасителю. Вокруг головы Марии лучами светится нимб, младенец Иисус лежит на плаще Девы Марии, их взгляды направлены друг на друга. Интересно, что над головой Марии висит маленькое распятие, как и у Яна ван Эйка в работе «Мадонна в церкви», хотя события разворачиваются задолго до мученической смерти Спасителя. Смешение времен было довольно популярным у художников того времени, когда на одной и той же картине мастер совмещал прошлое, настоящее и будущее. У Пахера мы видим это на картине «Искушение Христа», где художник библейский сюжет перенес в свое время, Дьявол искушает Христа в средневековом городе рядом с готическим собором, а не в древней Галилее.

⁸ Эрвин Панофски (нем. Erwin Panofsky; 30 марта 1892, Ганновер – 14 марта 1968, Принстон) – выдающийся немецкий и американский историк и теоретик искусства, один из самых известных представителей иконологического метода изучения изобразительного искусства.

Михаэль Пахер. Испытание Христа

Но нас в данной работе интересует не образ Марии, а задний план с детально прописанным пейзажем. У Пахера мы видим это в сценах из земной жизни Христа. Со скрупулезной точностью Вейден изображает желто-зеленые поля, за ними город с высокими башнями и домами, поднимающимися по склону холма. Этот город наполнен жизнью: в нем по улицам ходят люди, по белой дороге скачет всадник – все тщательно прорисовано вплоть до каждого человека, даже в конце улицы. И снова перед нами застывший момент, кажется, будто сейчас картина оживет и мы услышим стук копыт, разговоры людей, шум ветра. Та же застывшая кинематографичность, свойственная и Пахеру.

На центральной панели триптиха слева Иосиф, задумчиво смотрящий на младенца. Справа волхвы, один из них почтительно склонился перед младенцем и бережно прикасается к нему, другие стоят рядом с дарами.

Здесь, как и у Пахера, присутствуют животные: корова, осёл и даже маленькая левретка. На левом крыле архангел Гавриил передает юной Марии благую весть, на правом крыле старец Симеон бережно принимает у Марии маленького спасителя, за ее спиной Иосиф и Анна Пророчица. Художник не просто изображает действие, он тщательно прописывает эмоции: слезы на глазах Симеона, сострадание на лице святой Анны, спокойствие и смирение на лице Марии. Именно эту эмоциональность мы видим и у Пахера.

Теперь обратимся к еще одному художнику, возможно повлиявшему на Пахера. Это Ганс Мемлинг.

Ганс Мемлинг

Ганс Мемлинг родился приблизительно в 1435 и умер в 1494 в Брюгге. Мемлинг был одним из самых важных художников раннего периода Нидерландов. Джорджио Вазари⁹ писал, что он был учеником и коллегой ван дер Вейдена. Часть работ художника, сохранившихся до наших дней, это именно портреты. Популярность этих работ, вероятно, была связана с личным подходом, который он внес в существующий портретный стиль.

Для сравнительного анализа возьмем «Триптих святого Иоанна». «Алтарь святого Иоанна» («Триптих двух святых Иоаннов», или «Триптих святого Иоанна Крестителя и святого Иоанна Евангелиста») представляет собой большой алтарь с навесным триптихом из дуба, выполненный маслом около 1479 года. Он был открыт в середине 1470-х годов во время строительства новой апсиды для Старой больницы святого Иоанна (Sint-Janshospitaal) в Брюгге.

⁹ Джорджио Вазари (*итал.* Giorgio Vasari; прозванный Аретино, 30 июля 1511 года, Ареццо – 27 июня 1574 года, Флоренция) – итальянский живописец, архитектор и писатель. Автор знаменитых «Жизнеописаний», основоположник современного искусствознания.

Ганс Мемлинг. Триптих святого Иоанна

Работа подписана и датирована 1479 годом – датой ее установки – на оригинальной рамке и сегодня все еще находится в больнице в музее Мемлинга.

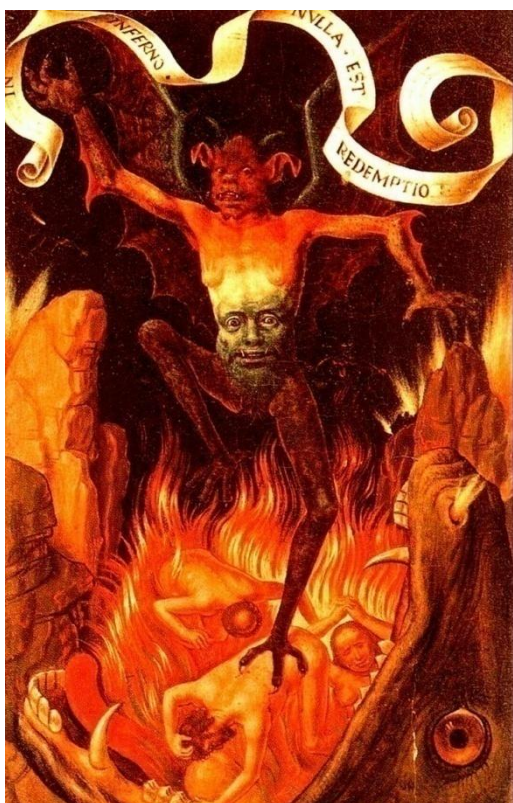
Алтарь состоит из пяти картин – центральной внутренней панели и двух двусторонних крыльев. На нем художник изображает две святые судьбы – Иоанна Крестителя и Иоанна Богослова. Иоанн Креститель занимает левую створку триптиха, Иоанн Богослов – правую. На центральной панели изображена Мария с младенцем Иисусом в окружении двух Иоаннов и святых Екатерины Александрийской и Варвары. Екатерина и Варвара были особенно важными святыми для тяжелобольных людей, поэтому их изображение присутствует в больничном контексте.

Узкие вертикальные проемы между колоннами открывают непрерывный пейзаж с руинами и зданиями, в которых разыгрываются небольшие эпизоды жизни двух святых.

Мемлинг, так же как и Ван Эйк и Пахер, уделяет деталям огромное значение. Все тщательно прописано вплоть до мелочей, ничто не ускользает от внимания художника. Это и одежда присутствующих, и ковер под ногами у Марии, великолепный трон, на котором она сидит, плитка, которой вымощен храм, белый агнец слева. Нарядность костюмов соседствует с простотой, трагичность лиц с нежностью и печалью.

Но особенный интерес для нас представляет перспектива и детализация заднего плана. Мемлинг прописывает все до самой линии горизонта: строения, деревья, реку, горы вдали, маленькие фигурки людей. Такую же детализацию заднего плана мы видим у Пахера в картинах из земной жизни Христа, прежде всего в сцене крещения, искушения Христа Дьяволом, сцене, где Христос накормил народ пятью хлебами и двумя рыбами, и сцене воскрешения Лазаря. Так, в последней сцене сквозь крохотное окно зритель видит небо, деревья и пейзаж. Все это придает картине особую реальность и эффект присутствия.

Позднее такое совершенное описание заднего плана мы увидим у Питера Брейгеля Старшего, где перспектива доведена до совершенства. В какой-то степени и Мемлинга, и Пахера можно считать предтечами величайшего художника в истории человечества.

Ганс Мемлинг. Ад

И все же Пахер не просто копировал стиль нидерландских художников. Он шел дальше. Как указывалось выше, в творчестве Пахера уже чувствуется дух приближающегося Ренессанса с его торжеством человеческой личности. И даже Дьявол у Пахера в картине «Искушение Христа» представлен не ужасающими мифологическим существом с копытами, свиным рылом и рогами, а человеком. Христа у Пахера искушает не страшное чудовище, а старик в обычной одежде, и только рога напоминают, что перед нами нечистый. Если взять для сравнения картину Мемлинга «Ад», написанную в 1485 году, мы увидим эту разницу. У Мемлинга бес изображен ужасающим монстром с длинными лапами, похожими на куриные, с отвратительным пугающим лицом: огромный свиной нос, изо рта торчат клыки. Кроме того, из живота монстра на нас смотрит еще одно сюрреалистическое создание. Зритель сразу понимает, что перед ним исчадие ада.

Это свидетельствует о том, что Пахер ни в коем случае не копировал ранних нидерландцев. Используя доступные ему средства и наработки художников, Пахер шел своим собственным путем, оставаясь глубоко индивидуальным и выдающимся художником не только своего времени, но всей мировой культуры. У него был свой стиль, свое видение мира, которое он и оставил нам в наследство.

Михаэль Пахер. Обручение

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Ольга Рыбакова

(МОССАЛИТ, Москва)

ЧЕМ НАШЕ СЛОВО ОБЕРНЕТСЯ?

В дневнике Льва Николаевича Толстого есть такая запись от 19 октября 1909 г.: «Если уж писать, то только тогда, когда не можешь не писать». Мудрое и справедливое, на мой взгляд, суждение. Но между осознанием правоты великого писателя и отказом от собственных графоманских попыток иногда проходит некоторое время, за которое пара-тройка «нетленок» успевают сбежать на волю из-под надзора временно недееспособного внутреннего цензора.

Несколько лет назад змий-искуситель, путешествуя по своим вредным делам, оказался неподалеку от меня и, скуки ради, нашептал в ухо нечто заманчивое и комплиментарное, лишив разума и объективности. Вот и возмнилось, что написать интересный для читателя и, заметьте, высокохудожественный рассказ мне вполне по плечу. Мысли закопошились и подтолкнули к действию: «...и пальцы просятся к перу, перо к бумаге...». И ведь правда – начала писать.

Хорошо еще, остатки здравого смысла подали сигнал бедствия и заставили пойти поучиться в Школу писательского мастерства. Эта школа ничем принципиально не отличается от любой общеобразовательной школы: послушал теорию на уроке – сделай домашнее задание, чтобы закрепить материал. В данном случае: напиши рассказ на заданную тему, отдай на проверку профессионалу-рецензенту и купи в аптеке успокоительное, чтобы удержать слезы при чтении объективной рецензии.

Но поделиться хочу не жалобами на неудавшуюся писательскую карьеру, а удивительным совпадением (совпадением ли?) выдуманного мира с реальными обстоятельствами.

Одно из полученных мной домашних заданий требовало раскрасить в яркие цвета серую повседневность торгового зала и называлось «Случай в магазине». Всего в пяти тысячах печатных знаков нужно было так зацепить чувства читателя, чтобы надкусанный бутерброд засыхал на тарелке до тех пор, пока не растают перед читательским взором образы, созданные мастером печатного слова.

Героиню своего рассказа я заставила работать в «Леруа Мерлен» в Москве только потому, что накануне была в этом гипермаркете по какой-то хозяйственной надобности. Поскольку для меня важно, чтобы созданный мною герой был живым, достоверным, я придумываю ему биографию, включая подробности о месте рождения, семье и всяком таком. Это никак не задействовано в повествовании, но мне как автору это помогает придерживаться определенной логики.

Найденный на карте городок в соседней с Москвой области – еле живой вагоноремонтный завод, Дом культуры, закрытый на перманентный ремонт, автобусная станция да городской рынок – вполне подошел для моих целей. Из всех радостей –

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

двухэтажный торговый центр да «Макдоналдс» возле памятника павшим воинам. Живо представилось, как моей героине хотелось вырваться из этой жизни в большой город, как она пытается изменить судьбу. Поэтому я устроила ее в «Леруа Мерлен» и вынудила снимать комнату у вредной хозяйки, потому что на аренду квартиры не хватает денег.

По сюжету героиня наблюдает за ссорой семейной пары в торговом зале магазина и, в противовес увиденному, рисует в воображении картинку идеальной семейной жизни: любящий непьющий муж, двое детей, своя квартира, уют в которой создается за счет прекрасных, по мнению героини, товаров, продаваемых в «Леруа Мерлен».

Напомню, речь идет о рассказе, написанном четыре года назад.

А теперь внимание – история месячной давности.

Очередная хозяйственная проблема привела меня во все тот же «Леруа Мерлен». Я челноком сновала вдоль стеллажей с образцами в секции «Шторы», пока наконец не отыскала ткань, цена которой примиряла мою скупость с потребностью хоть как-то защитить лоджию от беспощадного летнего солнца. Будущие занавески пребывали пока свернутыми в рулон, напоминающий упитанного питона, и мне пришлось совершить еще несколько забегов вдоль стеллажей, прежде чем я завладела вниманием и временем продавщицы. Последовали сложные математические расчеты, сколько полотен и какой ширины нужно отрезать, если высота штор в рулонной ткани уже задана. Борьба с математикой сблизила нас с сотрудницей магазина настолько, что к моменту кройки ткани мы были искренне расположены друг к другу и дружески болтали. Вернее, говорила в основном она, а я с заинтересованным видом лишь вовремя подавала реплики, чтобы не спугнуть собеседницу.

Бейдж на форменной рубашке подсказал имя – Марина. Невысокая, очень стройная, светлоглазая и натурально светловолосая, улыбчивая молодая женщина вела себя и говорила так естественно и доброжелательно, как делают это только те, кто пребывает в гармонии с собой и окружающим миром. Она рассказала, что устроилась в «Леруа» недавно и пока числится стажером. По словам Марины, она много кем работала, преимущественно в торговле, но самая большая ее любовь и лучшие воспоминания связаны с самым первым делом в ее жизни: она была звонарем на колокольне. Насколько я поняла, жизнь отвела Марину от церковного служения, но тепло, звучавшее в ее голосе, свидетельствовало о доброй памяти и благодарности тому периоду жизни.

Марина родом из Владимира, расположенного, как вы понимаете, во Владимирской области, соседствующей с Московской. Сейчас она живет в Москве с мужем и двумя дочками. «Представляете, – улыбается Марина, – я сама православная, а муж у меня мусульманин. Мама сначала была очень против него, а сейчас даже радуется. А что? Он же не пьет – им нельзя. И дочки его папой называют. Они настоящего отца и не помнят. Старшая у меня этой осенью в школу идет, а младшая в детском саду. Мне здесь работать очень удобно: смена начинается в семь утра, а заканчивается в вечером в четыре. Утром муж детей отводит и идет на работу, а вечером я забираю. Удобно. Сейчас мы хотим машину в кредит брать. Тогда будет проще к родителям во Владимир ездить – навещать. Еще думаем продать дом в Октябрьском районе (район в городе Владимире. – О. Р.). Хотя не знаю, нужно ли. С другой стороны, денег побольше будет».

Но разговор разговором, а руки дело делают. Вот уже все части будущих занавесок нарезаны, чек выписан и нужно идти оплачивать. Мы прощаемся, и напоследок Марина предлагает: «Приходите к нам – на кассе работать или администратором. Я вижу, у вас получится». Я обещаю ей серьезно подумать над этим предложением – в тот момент, когда наконец-то брошу опостылевшую офисную работу.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Вы заметили? Судьба свела меня с персонажем, который я придумала четыре года назад. Все так, как было написано: «Леруа Мерлен», секция «Шторы», счастливая продавщица с непьющим мужем и двумя детьми. И даже машина в кредит, но это уже сверх придуманных мной мечтаний. Удивительно, как может обернуться судьба написанного слова.

У меня есть еще рассказ про водителя троллейбуса из восьмого парка Москвы. Может быть, заглянуть на сайт Мосгортранса – вдруг что-то знакомое увижу?

В. Калинин. Коробочка «ОГУРЦЫ».

Папье-маше, масло, лак, алюминиевая пудра, сусальное золото

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Елена Пономарева
(Саратов)

МЫШКА ЗАВЕЛАСЬ

Первая история

Обычный мальчишка
В коротких штанишках –
Любитель футбола,
А может, не слишком,
Мечтал завести
Симпатичную мышку.
Мышь в доме водилась,
Но не заводилась.
Ведь мышку железную
Ржавым ключом
Нельзя завести нипочём.

История про удачный случай

Но выдался случай
Удачный как раз,
Зачистили ключик,
Поправили паз.
Накапали масла
На спинку и хвост,
По капле на глазки
И каплю на нос,
На грудку немножко
И заднюю часть.
Задвигались ножки,
Задвигались ушки,
Задвигались усики –
Мышь завелась!

Стало норку не узнать

Первым делом – за уборку!
Мусор выметен из норки,
Окна вымыты до блеска,
Ветер дышит в занавески.
Скатерть – свежая до хруста,
Над столом сверкает люстра.
Лыжи с палками и скалку
Мышка вынесла на свалку.
Гуталин и канифоль
Поменяла на фасоль.
А с роялем что? –
С роялем
Мышь расстанется едва ли,
У него противный звук,
Но блестит, как майский жук!
А ещё под чёрной крышкой
Заведёт кладовку мышка.
Со стены глядят портреты
Музыканта и поэта,
Белым облаком кровать –
Стало норку не узнать.

Ах, какая душка!

Сто страничек словаря
 Пролистала мышка зря.
 В «Словаре имён» – имён
 Двести, триста, миллион!
 Или даже больше, но
 Не подходит ни одно:
 Майя, Лилия, Анфиса,
 Агриппина, Василиса...
 Отражаясь в зеркалах,
 Почесав макушку,
 Пропищала мышка:
 «Ах!
 Ах, какая Душка!»

Что у мышки на обед

Что у Душки на обед?
 Винегрет? –
 Конечно нет.
 Маслице машинное,
 Капельки мышиные.

Про новую ноту пи

В апреле – в начале.
 А может?.. Едва ли.
 Случились такие дела:
 В рояле под крышкой
 Проворная мышка
 Кладовку себе завела.
 И счастливы мышка,
 Рояль, даже крышка –
 В кладовке простор и уют.
 Откроется крышка –
 Рояль вместе с мышкой
 Любимый мотивчик поют.
 Вот здесь бутылочка бордо –
 Поётся нота до.
 А рядом баночки с пюре,
 И звук протяжный: «р-е-е».
 В углу лущёная фасоль,
 Придвинем ближе соль,
 Рояль и мышка, даже моль

Поют: «До-ре, фа-соль».
 Стоят пакеты киселя,
 Свисают кренделя,
 Рояль поёт: «До-ре, соль-ля»,
 Мышь подпевает: «Ля».
 Потом, проси иль не проси,
 Но прозвучит не «ми», не «си»:
 «До-ре-фа-соль-ля-пи».
 «До-ре-фа-соль-ля-пи».

Про хитрого кота

Каждый вечер у ворот,
 Под тенистой кущей
 Поджидает мышку кот –
 Старый и хитрющий.
 Может, хочет Душку – ам?!
 Но того не знает,
 Что ему не по зубам
 Мышка заводная.
 «Мур! – Нечай мурлычет. –
 Нет, – головой качая, –
 Приглашаю на балет –
 Ряд четвёртый, с краю.
 По пути заглянем в тир,
 Пострелять по мышкам».
 Невдомёк коту, что в цирк
 Влюблена малышка.

Под куполом цирка

Под разноцветным куполом,
 Под куполом – ура! –
 Смешит с афиши пугало,
 А рядом с ним дыра.
 Пока охрана глупая
 Храпит,
 А всюду тишь,
 Шмыгнёт в дыру
 Под куполом
 Решительная мышь.
 Пока самой не спится –
 Юрк, пока не спит луна, –
 Посмотрит репетицию
 Под куполом она.

Представление в цирке

В цирке сегодня дают представленье.
 Очередь в кассе и столпотворенье:
 «Кто выступает? Скажите? Ну кто?
 Пони в попоне и кони в пальто?» –
 «Что вы! Приехал известный циркач –
 Он богатырь, он атлет, он силач». –
 «Русский Медведь?» –
 «Мексиканский Бизон?» –
 «Слон по фамилии Розовый». –
 «Слон?»
 В красном берете и белом боа,
 В сумке билет, что купила вчера,
 Маков букет прихватив на бегу,
 Душка устроилась в первом ряду,
 Вынув из сумочки булочку с маком,
 Звучно её надкусила со вкусом.
 Как эта булочка, розов и свеж,
 С гирями вышел силач на манеж.
 Мышку увидев, силач задрожал,
 Хобот баранкой под ухом зажал,
 С криком «Полундра!»
 Со всех своих ног
 Знатный атлет побежал наутёк.
 Бросился зритель –
 Кто в кассу, кто в драку.
 Мышка припрятала булочку с маком,
 Штангу пудовую приподняла,
 Ахнули зрители: «Ну и дела!»

Радушие

Радушная Душка
 Соседа Нечая
 Звала в именины
 На чай с куличами.
 Нечай куличом
 Угоститься не чаял,
 Он рад сухарю
 Или бублику с чаем.
 Но Душка
 Не выдала к чаю
 Ни сушки,
 Сказала печально:
 «Простите, усушка».

Последняя история

Мышь сидит серее тучи –
 Потерялся где-то ключик.
 Зуб сломался – не беда,
 Пыль на люстре – ерунда.
 И неважно, что пружина
 Поломалась в котоловке,
 И пустяк, что буженину
 Кто-то сцапал из кладовки.
 Не важны теперь для мышки
 Маникюр,
 Рубины,
 Стрижка,
 Знает Душка,
 Что вот-вот
 Может кончиться завод.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Нина Агошкова
(Краснодар)

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ для ДЕТЕЙ

Как время в отпуск уходило

Решило Время в отпуск уйти. А что? Всем – можно, а ему – нельзя? Отдохнуть же когда-то нужно.

Остановило оно все часы в восемь утра и отправилось на рыбалку.

Идёт, мечтает: «Сейчас сяду у речки, удочку закину, рыбы наловлю и уха наварю. Стоп. А зачем мне уха? Я же такое не ем. Я питаюсь делами людскими, да событиями. Ну ладно, отпущу её обратно в речку».

Приходит, закидывает удочку. Смотрит: что такое? Вода совсем не движется, никуда не течёт. И рыбы в глубине стоят, не клюют. Нет у них времени плавать да червячков искать, которые на удочке.

Расстроилось Время: «Это же надо! Собралось отдохнуть, а тут такая история!»

Оглянулось по сторонам: птицы в воздухе зависли, жучки да бабочки на цветках сидят – не шевелятся. Вдалеке машины на дороге стоят, никуда не едут, и люди возле них застыли, словно статуи.

Тут Время в себя пришло:

– Ой, что же это я наделало? Без меня жизни нет, всё замерло и вперёд не движется! Ну его, этот отпуск, спасать нужно планету!

И сдвинуло все часы с места.

Пустота и новый дом

На окраине города, в новом многоэтажном доме, в новой квартире обитала Пустота. Ей было просторно в трёх комнатах и светлой кухне.

Пустота поселилась здесь после того, как ушли последние строители и закрыли входную дверь на замок.

– Ах, как хорошо! – радовалась она. – Наконец-то исчезли все банки с краской, инструменты и рулоны обоев. Ничто не мешает мне наслаждаться простором!

Но долго царствовать Пустоте не пришлось.

Однажды в замке повернулся ключ и все три комнаты сразу заполнились шумом, смехом и топотом ног. Первой в квартиру вошла важная кошка. За ней вбежал шустрый малыш, следом – его родители. Усатые грузчики стали заносить и расставлять мебель.

– Всё... – грустно вздохнула Пустота, – нет мне здесь больше места.

И ушла искать новый дом – пустой.

Запасы на зиму

Две молодые белки носились по лесу и прятали орехи – делали запасы на зиму.

Одна в дупло спрятала – вторая в развилку толстых ветвей засунула. Одна под пенёк – вторая под ворох листьев.

Видит первая, что вторая подглядывает за ней, и кричит:

– Не смей смотреть, куда я свои орешки прячу! Это мои запасы! Я их зимой грызть буду!

– Да я и не смотрю, подумаешь! Мне своих орехов хватит, – фыркает вторая.

Покачала головой старая белка, подозвала спорщиц, да и говорит:

– Не ссорьтесь. Зима придёт, всё снегом укроет, не видно будет, где чья кладовая. Сейчас важно столько грибов да орехов запасти, чтобы на всю зиму хватило, а иначе голодно будет в морозы.

Как грибы хвастались

Собрались как-то грибы и давай хвастаться.

– Посмотрите, какие у меня на шляпке колечки разноцветные, а по краю – оборочки! Так и волнуются под ветром, так и развеваются! Не зря меня Волнушкой прозвали, – говорит Волнушка.

– А я самый крепкий и статный, – выставил вперёд грудь Боровик, – и жена моя такая же, и детки-боровички. Вся семейка – хоть куда!

– Да что там твоя семейка, – откликнулся Маслёнок, – у меня она больше! Посмотри, сколько ребят-маслят рядышком со мной стоят. И все ровненькие, блестящие, коричневые.

– Коричневый цвет пока не в моде, – заявил Рыжик, – а вот оранжевый – в самый раз! Не зря я ношу такую шляпку – под цвет осенних листьев.

– Тогда и я – под цвет, – вступил в разговор Мухомор, – такой же красный, как ягоды клюквы да брусники. А значит, самый модный, самый красивый и самый главный гриб в лесу!

Расхохотались грибы и заявили хором:

– Вся красота твоя – в шляпке! Но грибникам ты не нужен, потому что ядовит!

Тут приходит дядюшка Лось и говорит:

– Мухомор! Полечи меня скорей!

Вот уж удивились грибы, так удивились! Оказывается, и Мухомор кому-то нужен.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

*Зинаида Кокорина
(МОССАЛИТ, Королев)*

ЛОСИНЫЙ ОСТРОВ

Друзья, если вам не довелось побывать в нашем подмосковном заповеднике «Лосиный Остров», приглашаю прогуляться.

Мы – в Лосиный Остров

День сегодня выходной,
Но не отдых просто:
Отправляемся семьей
Мы в Лосиный Остров!

Обожаю этот лес
Сказочно-дремучий!
Заповедных много мест,
Но Лосинка – лучше!

Развлекались тут цари,
Фавориты, свиты...
Для охоты с той поры
Остров стал закрытым.

Пять веков – немалый срок.
Остров наш Лосиный
Сохранить закон помог –
Заповедник дивный!

Монумент – природы храм,
Старый дуб, осинка...
Вот сюда и надо нам.
Дальше – по тропинке.

Свежий воздух! Тишина.
Здесь не на асфальте:
Не промчатся мимо на
Скейте, самокате...

Тропки главные ведут
К центру, без подсказки.
Отдыхает разный люд
Здесь, как в мире сказки.

Горки, домик расписной,
Лавочки, качели...
Малышам простор какой!
Визг на карусели!

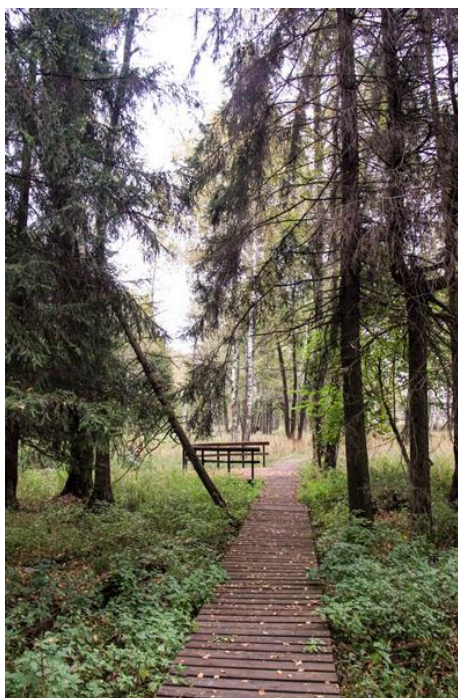

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Для любителей коней
Конный двор к услугам.
Радует гостей музей –
«Русский быт» – досугом.

Центр позже навестим:
Нам природу надо.
И по тропочкам своим
Мы шагаем рядом:

Папа, мама и сынок.
Интересно всем нам:
Не были здесь долгий срок,
Есть ли перемены?

Мышку, белочку, ежа
Мы об этом спросим...
Вдруг, гуляя не спеша,
Повстречались с лосем.

Ух, какая красота!
Не смущен сохатый,
Чем-то лакомым в кустах
Увлечен рогатый.

Но на нас глаза косят,
Значит видит тоже.
Медленно сдаем назад:
Зверь-то дикий все же...

Хоть не раз бывали здесь,
Ходим осторожно:
Увлекают тропы в лес,
Заблудиться можно.

Где-то не исключено
Встретиться с медведем
Или с диким кабаном –
Жуткие соседи!

С ликованием в душе
Обсуждаем встречу,
Устремляя взгляд уже
На большой скворечник.

Чудеса! Творенье рук
В глубине Лосинки!
К нам в беседу – дятла стук:
«Вот вам и новинки!»

По пути назад теперь
Разговор о птицах.
Здесь их много: свиристель,
Утка, дрозд, синица...

Двести видов. Ого-го!
Пальцы все загнули.
Вот и центр. Дошли легко.
Классно отдохнули!

Московский салон литераторов (МОССАЛИТ)

www.moscowbazar.com

mari.veglinska@mail.ru

© МОССАЛИТ, 2021